

Дозволено ценз. Спб. 29 декабря 1900 г.

2023941361

І. Вступленіе.

«Хочешь милостей неба?—Будь добръ».

Сенека.

«Мы походимъ на волковъ и тигровъ! Мы даже хуже этихъ звѣрей! Природа создала ихъ такъ, что они *должны* питаться мясомъ, тогда какъ насъ Богъ одарилъ разумной рѣчью и чувствомъ справедливости».

Златоустъ.

Вегетаріанство у многихъ вызываетъ улыбку. «Состраданіе къ бычку», котораго подаютъ намъ на столъ, кажется имъ какой-то праздной выдумкой «философовъ» и чудаковъ. Право убивать животныхъ и употреблять въ пищу ихъ тѣло въ теченіи вѣковъ пустило такіе глубокіе корни въ сознаніе людей, что всякій намекъ на противоположный порядокъ вещей порождаетъ у большинства самое искреннее недоумѣніе. Человѣкъ привыкъ смотрѣть не только на землю, но и на «все, водящееся на землѣ», какъ на свою неотъемлемую собственность, которая существуетъ для его потребностей или комфорта и которой онъ располагаетъ по своему усмотрѣнію.

При этомъ животныхъ онъ ставитъ почти на одну ступень съ растеніями и скорѣе видитъ въ нихъ «живое тѣло», чѣмъ одухотворенныя, подобныя себѣ существа.

А потому лишеніе животнаго жизни почти никогда не вызываетъ у насъ представленія объ убійствѣ, и мы вовсе не задаемся мыслью о предсмертныхъ мукахъ и предсмертномъ страхѣ, которые переживаетъ убиваемое существо. Какая-то роковая условность, плодъ вѣковой давности явленія, придавила нашу совѣсть и легла почти непроницаемой стѣной между ужасной дѣйствительностью и нашимъ сознаниемъ.

Намъ, окруженнымъ такъ щедро дарами земли
благодатной,

Матери нашей — кормилицы, намъ — не животнымъ,
а людямъ —

Жадно зубами жестокими рвать и терзать съ на-
слажденіемъ

Ключья изранныхъ труповъ, какъ лютые, дикіе
звѣри?

Развѣ нельзя утолить, не пожертвовавъ жизнью
чужою,

Люди, вашъ голодъ неистовый, алчность угробъ не-
насытныхъ?

И чѣмъ свою смерть заслужили
Вы, безобидныя овцы, незлобныя, смиренныя твари,
Людямъ на благо рожденныя? Вы, что насъ понте
Щедро влагой сосцовъ благодатныхъ и грѣте мяг-
кой волной,

Вы, чья счастливая жизнь намъ полезнѣй, чѣмъ
смерть ваша злая?

Чѣмъ провинился ты, вошь, предназначенный людямъ
на помощь,

Ты, безотвѣтно покорный товарищъ и другъ хлѣбо-
пашца?

Какъ благодарность забыть, какъ рѣшиться жесто-
кой рукой

Острый топоръ опустить на послушную, кроткую шею,
Стертую тяжкимъ ярмомъ? Обагрить мать — корми-
лицу землю

Кровью горячей работника, дашаго ей урожай?...
Страшенъ вашъ гнусный обычай и скользокъ вашъ
путь къ преступленьямъ;

Люди! Убить человѣка не трудно тому, кто, впная
Жаднымъ предсмертнымъ блеяніямъ, рѣжетъ телятъ
неповинныхъ,

Кто убиваетъ ягненка, чьи слабые вопли подобны
Плачу дитяти; кто птицу небесную бьетъ для забавы

Или нарочно,—своею рукою вскормивъ,—пожираетъ!
 Съ вашей привычной жестокостью рядомъ стоитъ
 людоедство.

(Овидій. «Превращенія», 15-я книга).

Эти вдохновенныя слова древняго поэта, при всей ихъ мощи, всетаки далеко оставляютъ за собой факты обыденной жизни.

Ягненокъ, жадностью твоею обреченный
 На пытку лютую, въ мгновенье смертной муки,
 Глядитъ тебѣ въ глаза, невинный, изумленный,
 И лижетъ ласково, тебѣ, убійцѣ, руки!

(Попъ *).

«Практическіе» люди, т. е. тѣ, которые подъ видомъ мудрости скрываютъ свою ограниченность и неспособность подняться въ своихъ стремленіяхъ выше существующаго зла, могутъ видѣть въ этихъ горячихъ призывахъ поэта простую сантиментальность. Но всякому, кто мыслить и чувствуетъ и кто въ кругъ своихъ размышленій включаетъ и вѣчно жгучій вопросъ о нашей плотоядности, эти картины рисуются во всей неприглядности своего реализма.

Какъ смѣлъ подумать ты, безумецъ и гордецъ,
 Что о тебѣ одномъ заботился Творецъ,
 И предназначилъ все тебѣ для наслажденія,
 Для пищи, для удобствъ, нарядовъ, развлеченія?

(Попъ).

Поэты читаютъ въ душѣ человѣка и часто своимъ гениемъ угадываютъ ея сокровенныя законы. Наглядный примѣръ такой духовной прозорливости даютъ слѣдующія проникновенныя строки того-же поэта:

Въ убійствѣ каждомъ скрыто тайное отмщеніе:
 Кровь съѣденныхъ звѣрей разбудить похоть, страсть,

*) Англійскій поэтъ первой половины 18-го столѣтія.

И гнѣвъ, и ненависть. Узнаеть родъ проклятый
 Чужой горячей крови пагубную власть
 И „кровожадные“ возстануть брать на брата!

Въ убійствѣ каждомъ скрыто тайное отмщеніе—таковъ одинъ изъ величайшихъ законовъ бытія, который въ обобщеніи означаетъ, что за каждое злодѣяніе человѣка ожидаетъ возмездіе. Животныя обладаютъ частицей той души, благодаря которой человѣкъ вознесся надъ всею вселенной; въ ихъ глазахъ мы читаемъ отраженіе собственнаго внутренняго міра; они, правда, сильно отстали отъ насъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ и гораздо меньше насъ носятъ на себѣ «образъ Божій», однако и они подобно намъ любятъ, ревнуютъ, даже жертвуютъ собой и проч.

Поэтому, по законамъ психологіи, насъ ждетъ кара не только за убійство человѣка, но—хотя въ гораздо меньшей степени—и за отнятіе жизни у невиннаго, не вредящаго или даже высокополезнаго намъ животнаго *). Такое сужденіе, на первый взглядъ, кажется почти парадоксальнымъ; но оно предстанетъ передъ читателемъ во всей своей реальности, когда онъ ниже познакомится съ картиной нравственныхъ и физическихъ послѣдствій мясояденія или, иначе говоря, трупопожиранія.

Съ физической стороны, мясо буквально отравляетъ человѣка, а въ нравственномъ и социальномъ

*) Что-же касается до борьбы съ хищными, нападающими на насъ звѣрями, въ цѣляхъ самозащиты, то она еще меньше противорѣчитъ вегетаріанской идеѣ и еще меньше оскорбляетъ нашу совѣсть, чѣмъ вынужденное, роковое человѣкоубійство во время схватки, вызванной посягательствомъ на нашу жизнь. На возраженіе, что левъ или тигръ не заслуживаетъ наказанія за слѣдованіе своему естественному способу питанія, можно отвѣтить, что вообще о примѣненіи „человѣческихъ“ началъ и человѣческихъ понятій къ хищнымъ звѣрямъ не можетъ быть рѣчи.

ношеніяхъ обычай безнаказаннаго умѣрщвленія животныхъ составляетъ органическую часть того положенія вещей, которое можно охарактеризовать двумя словами: кровь и желѣзо. Пока мы проливаемъ кровь беззащитныхъ и не трогающихъ насъ животныхъ, до тѣхъ поръ мы будемъ убивать и другъ друга....

II. Возраженія „разумныхъ“ людей противъ вегетарианства.

Аргументы, приводимые противъ вегетарианства, сводятся къ слѣдующему:

1. Лишеніе животнаго жизни ради употребленія въ пищу его тѣла не можетъ быть приравнено къ убійству человѣка. Животныя не обладаютъ разумомъ, не имѣютъ души, они вообще неподобны намъ, и смерть животнаго не есть такое же явленіе, какъ смерть человѣка.

2. Самъ Господь отдалъ всѣхъ животныхъ въ наше распоряженіе и не запретилъ намъ питаться ими.

3. Поѣданіе однихъ животныхъ другими составляетъ законъ природы.

4. Мясояденіе освящено вѣками.

5. Пока народы ведутъ между собою истребительныя войны, пока наши нравы допускаютъ массовыя убійства людей, для защиты тѣхъ или иныхъ, мнимыхъ или дѣйствительныхъ интересовъ, преждевременно говорить о человѣчности по отношенію къ животнымъ или, по крайней мѣрѣ, о безубойномъ питаніи.

6) Сама медицинская наука въ поискахъ за истиной распоряжается по произволу жизнью жи-

вотныхъ и даже не останавливается передъ такимъ грубымъ нарушеніемъ всякой человѣчности, какъ *живосъченіе* (вивисекція).

7) Человѣкъ созданъ для мясной пищи и не можетъ безъ нея обходиться, безъ ущерба для своего здоровья и для своего полного преуспѣянія.

8) Наконецъ, обращеніе человѣчества къ вегетаріанству равносильно сложному экономическому перевороту, выдвигающему на сцену цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ и задачъ.

Мы исчерпали почти все обычные доводы противъ вегетаріанства и, ради безпристрастія, представили ихъ въ наиболѣе убѣдительной формѣ. Посмотримъ же теперь, насколько въ нихъ правды.

III. Душа человѣка и животныхъ.

Мы выше животныхъ по уму и развитію, но принадлежимъ къ одной съ ними лѣстницѣ, на которой мы составляемъ лишь самую верхнюю ступень. Наше кровное родство съ позвоночными, начиная съ лягушки и кончая ближайшей къ намъ обезьяной, выступаетъ съ особенной рельефностью во время зародышевой жизни, когда человѣческій плодъ въ материнской утробѣ постепенно восходитъ отъ лягушачьей или еще низшей организаціи къ типу высшихъ позвоночныхъ, пока не приметъ, наконецъ, человѣческій обликъ; это — какъ бы краткая исторія развитія класса позвоночныхъ.

Впрочемъ, мыслящему человѣку достаточно бросить лишь бѣглый взглядъ на строеніе тѣла позвоночныхъ и человѣка, чтобы разомъ постичь великую истину о принадлежности человѣка къ животному царству. Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ уже одинъ видъ

нашего скелета. Если же мы обратимся къ мозгу разныхъ позвоночныхъ, то картина восхожденія животныхъ до ступени человѣка, путемъ постепеннаго развитія головного мозга съ его двумя большими полушаріями и покрывающими ихъ извилинами — будетъ передъ нами, какъ на ладони. Великій Дарвинъ сдѣлалъ попытку приподнять завѣсу съ отдаленнаго прошлаго нашей породы, чтобы объяснить, *какъ* и въ силу какихъ законовъ біологіи совершался вышеупомянутый процессъ; но—вѣрна ли его теорія происхожденія видовъ вслѣдствіе борьбы за существованіе и закона наслѣдственности, или нѣтъ,— самое существованіе въ прошломъ этого процесса есть фактъ неоспоримый.

Уже эти данныя расчищаютъ путь для вегетарианства. Одинаковое устройство тѣла неминуемо вызываетъ представленіе и о сходствѣ душевной жизни. Наглядное подтвержденіе этой мысли даютъ нерѣдко студенты медицины, начинающіе заниматься анатоміей. Поработавъ надъ препаратами человѣческаго тѣла и приступая затѣмъ къ обѣду, юноша поражается сходствомъ поданныхъ ему кусковъ съ тѣми, съ которыми онъ возился въ препаровочной, — и часто имъ овладѣваетъ отвращеніе. Тоже самое ощущеніе врывается въ душу у многихъ при видѣ подаваемого на столъ поросенка съ головой или цѣльной птицы. Это—какъ бы протестъ, поднимающійся изъ глубины души противъ неестественнаго для насъ способа питанія, обычно маскируемаго условіями нашей кухни. Конечно, «привычному» человѣку или закаленному анатому это все нипочемъ; но вѣдь безпощадная сила привычки сглаживаетъ и впечатлѣніе людоедства, которое у первобытныхъ людей разыгрывается большей частью въ самой добродушной обстановкѣ.

Та же непобѣдимая привычка и то же самовнушеніе, къ которому мы вернемся еще ниже, парализуютъ нашу совѣсть, когда ее будятъ неотразимыя впечатлѣнія отъ самой жизни и отъ души животныхъ. Кто изъ насъ не располагаетъ богатымъ запасомъ собственныхъ наблюденій въ этой области? Умъ и чувства собаки, этого вѣрнаго нашего друга, любящаго, ревнующаго, оберегающаго, дѣлящаго съ нами горе и радость, угадывающаго наши мысли и ощущенія, — у всѣхъ на глазахъ. О выдающихся умственныхъ качествахъ слона и другихъ животныхъ также очень много писалось. Но особенный интересъ, по нашему мнѣнію, представляетъ для насъ, съ точки зрѣнія животной психологіи, наша неутомимая домашняя труженица — лошадь. Она, какъ извѣстно, очень пуглива; если же вы вникаете въ причину ея страха, то вы въ большинствѣ случаевъ наталкиваетесь на присущее этому животному представленіе о сверхъестественной или, какъ выражаются въ народѣ, «нечистой» силѣ. Лошадь, напримѣръ, боится карусели, паровой конки, автомобиля и т. п. Когда ее бросаетъ въ дрожь при приближеніи волка или при одномъ видѣ этого звѣря, то тутъ мы не усматриваемъ признаковъ высшаго ума; но вышеупомянутые предметы сами по себѣ совсѣмъ не страшны и на инстинктъ самосохраненія не имѣютъ никакого дѣйствія; тѣмъ не менѣе, при первой встрѣчѣ съ ними, лошадь отъ страха мечется въ сторону и даже готова понести, потому что она ихъ «не понимаетъ». Другими словами, животное себя спрашиваетъ: кто двигаетъ этими предметами и, не получая отвѣта, заподозриваетъ участіе какой-то невѣдомой таинственной силы, внушающей ей безпокойство и страхъ. Такое толкованіе переживаемыхъ

лошадью ощущеній намъ кажется самымъ простымъ, самымъ законнымъ и единственно допустимымъ.

Это—настоящее лошадиное суевѣріе, ничѣмъ не отличное отъ суевѣрія людей.

И это существо, когда нужно, ведутъ на бойню, чтобы изъ его тѣла приготовить колбасу или сварить обѣдъ! Во всякомъ случаѣ, если даже не всѣ европейцы ѣдятъ конину, любимое блюдо татаръ, верблюжье (употребляемое арабами) или же собачье мясо, то не гуманность здѣсь является исходнымъ пунктомъ. Но обратимся теперь къ животнымъ, которыя «не блещутъ умомъ». Быкъ, корова, баранъ, курица, эти главные поставщики мясоѣднаго стола, при своей ограниченности, даютъ на каждомъ шагу неоспоримыя доказательства своего сознанія, воли и чувства. Корова отлично знаетъ свой домъ и своихъ хозяевъ. Птица настойчиво требуетъ корма отъ того, кто раньше раза два помогъ ей утолить свой голодъ.

Уходъ этихъ животныхъ за своими дѣтенышами, добываніе пищи и борьба изъ-за нея, взаимное соревнованіе и борьба изъ-за самки,—всѣ эти явленія въ глазахъ непредубѣжденнаго человѣка говорятъ объ очень родственной намъ внутренней жизни, въ которой слышится ясный отголосокъ нашей собственной. Но еслибъ эти вполне удовлетворяющія нуждамъ животныхъ проявленія ума показались намъ слишкомъ блѣдными и недостаточными, то вспомнимъ тѣ невѣроятно-сложныя дѣйствія, къ которымъ приучаютъ даже самыхъ тупыхъ животныхъ разные дрессировщики. Поэтому говорить объ «инстинктахъ» животныхъ, будто замѣняющихъ имъ то, что у человѣка носитъ названіе ума и души, есть одно изъ самыхъ странныхъ нашихъ заблужденій.

Эта теорія управляющихъ животными *инстинк-*

товъ, отдѣленныхъ рѣзкой гранью отъ человѣческаго *разума*, по какому то недоразумѣнію, была, какъ извѣстно, поддержана въ прошломъ столѣтіи и знаменитымъ французскимъ ученымъ, Декартомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такая попытка санкціонировать заблужденія массы авторитетомъ науки встрѣтила самый дружный отпоръ со стороны всѣхъ выдающихся умовъ того времени. Между прочимъ, на Декарта обрушился и самъ Вольтеръ. Нечего говорить, что въ настоящее время вышеупомянутая теорія утратила подъ собой всякую почву. Не нужно даже особенной учености, чтобы понять всю ея несостоятельность. Для этого совершенно достаточно вооружиться нѣкоторой частицей простаго здраваго смысла. Обезьяна неизмѣримо выше кролика какъ въ анатомическомъ (въ смыслѣ развитія мозговыхъ полушарій и ихъ извилинъ), такъ и въ умственномъ отношеніи; тѣмъ не менѣе мы и не думаемъ причислить этихъ животныхъ къ двумъ различнымъ мірамъ, раздѣленнымъ между собой непроходимой пропастью, а только ставимъ ихъ на различныя ступени одной и той же лѣстницы позвоночныхъ. Спрашивается, есть-ли основаніе сдѣлать исключеніе для человѣка и признать этого царя вселенной стоящимъ совершенно отдѣльно отъ остального міра животныхъ?

Очевидно, нѣтъ. Прежде всего, мы должны еще разъ повторить, что анатомія и фізіологія связываютъ насъ неразрывными узами съ «низшей братьей» позвоночныхъ и, прежде всего, съ наиболѣе намъ родственной обезьяной. Въ психическомъ отношеніи между нами и животными, дѣйствительно—бездна: мы обладаемъ даромъ слова и мысли, мы познали Божество и мудрость Промысла, мы достигли мирового самосознанія. Однако черезъ эту пропасть проходитъ мостъ, соединяющій насъ съ остальными

божьими тварями въ одно нераздѣльное цѣлое. Дѣйствительно, между нами и животными и въ психической области еще много, слишкомъ много общаго. Животное начало въ каждомъ изъ насъ еще крѣпко борется съ человѣческимъ и, увы! нерѣдко беретъ перевѣсъ. Съ другой же стороны, наши высшія качества, которыми мы такъ гордимся, неполнѣ чужды и животнымъ, есть искра божества и въ нихъ...

Предаваясь такимъ размышленіямъ, мы очень скоро освобождаемся отъ того обмана чувствъ, отъ того тяжелаго кошмара, который заслоняетъ отъ нашей совѣсти сущность мясояденія и позволяетъ намъ убивать животныхъ для использованія ихъ тѣла. Тогда лежащая передъ нами на блюдѣ лопатка, гусиная лапа, бычачье бедро живо напоминаютъ намъ нашу собственную лопатку, наше собственное бедро и нашу собственную голень, которыя послѣ нашей смерти съ молитвой предаются землѣ, какъ священные останки.

Въ этихъ кускахъ трупа, въ этихъ остаткахъ умерщвленнаго и изрѣзаннаго нами животнаго, намъ тогда мерещится его столь родственная намъ душа, со всѣми ея страстями и волненіями, съ могучимъ инстинктомъ самосохраненія, сильнымъ материнскимъ чувствомъ, неоспоримой способностью чувствовать, мыслить и соображать, со всей той красотой, совершенствомъ и несовершенствомъ, которыя вложилъ въ нее любвеобильный Отецъ всего живущаго. Тогда эта кровавая пища дѣлается намъ противной и будить въ насъ представленіе почти о людоедствѣ или, по меньшей мѣрѣ, о волкѣ въ лѣсу, который съ такимъ же аппетитомъ и съ такой же увѣренностью въ своемъ правѣ пожираетъ человѣческое мясо и человѣческія кости, съ какими мы отправляемъ въ свой желудокъ мясо и органы животныхъ.

IV. Физическіе и нравственные инстинкты животныхъ.

Широко развившіяся полушарія большого мозга съ покрывающей ихъ богатой сѣтью извилинъ—вотъ краеугольный камень человѣческаго прогресса, вотъ знаменательнѣйшій фактъ доисторической эволюціи, который выдвинулъ человѣка изъ среды животныхъ, сообщилъ ему «образъ Божій» и сдѣлалъ властелиномъ земли.

Но что это значитъ «образъ Божій»? Что такое на естественно-научномъ языкѣ любовь къ ближнему и къ правдѣ, воздержаніе и справедливость, добро и зло?

Все это—строго научныя истины, которыя масса познаетъ чутьемъ и вѣрой, а мыслящій человѣкъ—путемъ анализа души человѣка и человѣческихъ отношеній. Данныя науки, въ особенности *правильное* фізіологическое мышленіе, также даютъ намъ въ этомъ отношеніи очень важныя точки опоры.

Головной мозгъ завѣдуетъ всѣми нашими душевными отправленіями. Въ немъ, именно въ сѣрой корѣ, выстилающей вышеупомянутыя извилины, сосредоточены тѣ «высшіе центры», которые завѣдуютъ мыслью и чувствомъ, сознаниемъ и волей. Заглядывая въ глубину нашей душевной жизни, не трудно убѣдиться въ существованіи въ ней, между прочимъ, двухъ могучихъ теченій, которыя можно назвать *инстинктивнымъ* и *противоинстинктивнымъ*.

Первое составляетъ совокупность свойственныхъ намъ инстинктовъ.—Что такое инстинктъ? Это—ощущеніе или чувство, дѣйствующее непосредственно на нашу волю, чтобы побудить насъ къ тому или иному цѣлесообразному дѣйствию, обусловленному нашимъ благополучіемъ. Такъ, на примѣръ, когда въ организмѣ

понижился ниже нормы обычный уровень содержания воды (напримѣръ, вслѣдствіе испареній отъ нашего пребыванія въ жаркой атмосферѣ), то чувство жажды, *помимо всякаго разсужденія* съ нашей стороны, побуждаетъ насъ немедленно покрыть питьемъ возникшій недочетъ. Такъ какъ организмъ тратитъ и свои твердыя составныя части (на работу, производство тепла и т. д.), то онъ ихъ и пополняетъ периодически путемъ чувства голода. Голодъ и жажда, какъ особая функція нервовъ слизистой оболочки желудка, суть два величайшихъ двигателя животной жизни, стоящіе на стражѣ ея первостепенныхъ интересовъ. Рядомъ съ голодомъ и жаждой слѣдуетъ поставить третій основной инстинктъ — чувство самосохраненія; это — цѣлая система спеціальныхъ ощущеній, предохраняющихъ каждое животное отъ его враговъ и обычно угрожающихъ ему опасностей. Въ противоположность поименованнымъ инстинктамъ, половое чувство (вызываемое повидимому дѣйствіемъ на мозгъ нѣкоторыхъ образующихся въ половыхъ железахъ веществъ), а также материнское предназначены не для благополучія индивида, но исключительно для обезпеченія существованія породы.

Животнымъ свойственъ еще цѣлый рядъ другихъ инстинктовъ, относящихся къ построенію для себя жилища (муравейники, гнѣзда птицъ), перемѣнѣ климата (перелеты птицъ) и къ другимъ первостепеннымъ потребностямъ. Они не лишены, кромѣ того, также и нѣкоторыхъ нравственныхъ и общественныхъ чувствъ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя живутъ стадами и обществами, какъ муравьи, обезьяны, слоны и т. д. Кромѣ материнской любви, съ которой мы встрѣчаемся особенно у млекопитающихъ и птицъ, существуютъ факты, свидѣтельствующіе и о любви къ себѣ подобнымъ (къ членамъ своего стада или

своего сообщества), иногда побуждающей животное даже къ самоотверженнымъ поступкамъ.

Однако каждый такой инстинкъ, физическій или нравственный, самъ по себѣ есть только слѣпая, не разсуждающая сила, которая вступаетъ въ дѣйствіе при опредѣленныхъ условіяхъ и въ предѣлахъ этихъ условій не знаетъ почти никакихъ ограниченій. Такъ, напримѣръ, кошка при видѣ живой птицы, всегда норовитъ задушить ее,—все равно, сыта она или голодна. Такимъ же образомъ, и другіе инстинкты, вслѣдствіе несовершенства лежащаго въ ихъ основѣ механизма, нерѣдко вводятъ животное въ обманъ и даютъ, вмѣсто положительныхъ результатовъ, отрицательные. Поэтому природа, придумавъ инстинкты, вмѣстѣ съ тѣмъ поручила головному мозгу высшее наблюдение за ними, въ видѣ цѣлой системы *регулирующихъ и задерживающихъ вліяній*, которыми завѣдуютъ расположенные въ сѣрой корѣ полушарій, особые высшіе или «психическіе» центры. Совокупность этихъ вліяній и есть то, что мы называемъ *нравственностью* или *нравственнымъ чувствомъ*. Но самой высшей инстанціей, управляющей какъ нашими инстинктами, такъ и всѣми нашими движеніями, являются тѣ корковые центры, въ которыхъ сосредоточивается *мысль, сознаніе и воля*. Въ результатъ взаимодействія нравственнаго чувства и мысли получается то, что мы называемъ *разумомъ*.

Хотя эти верховныя функціи головного мозга, вопреки нашему самообольщенію, далеко не составляютъ монополіи человѣка, однако, какъ всѣмъ извѣстно, только наша душа, а не душа животныхъ является ихъ настоящей ареной. Попытаемся же теперь, съ тѣмъ критеріемъ, который мы уже приобрѣли предъидущимъ разсужденіемъ, приподнять завѣсу съ нѣкоторыхъ сокровенныхъ законовъ этой

души, въ надеждѣ обнажить тѣ скрытыя пружины, которыя вѣчно, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ человѣчество, выдвигаютъ впередъ вегетарианскій, какъ и другіе нравственные вопросы, неотступно требуя ихъ разрѣшенія.

V. Физическіе и нравственные инстинкты человѣка.

Прежде всего, рамки инстинктивной жизни у человѣка мы находимъ замѣтно сужеными: число инстинктовъ существенно меньше, чѣмъ у животныхъ и, по крайней мѣрѣ, начиная съ извѣстнаго возраста, они всѣ почти освѣщены болѣе или менѣе лучемъ сознанія. Мы не только ѣдимъ, пьемъ, любимъ своихъ дѣтей и т. д., но дѣлаемъ все это вполнѣ сознательно, понимая и цѣль и послѣдствія нашихъ дѣйствій. А что касается цѣлаго ряда другихъ важныхъ для нашего благополучія дѣлъ и предприятий, то имъ предшествуетъ не чувственный импульсъ, безсознательный или сознательный, слѣдовательно—не инстинктъ, какъ мы это видимъ часто у животныхъ, а настоящій процессъ мысли или, иначе говоря, *разсужденіе*. Итакъ, область мысли значительно расширилась насчетъ сферы инстинктивной. Въ то же время нравственные и общественные инстинкты съ опредѣленнымъ высокимъ назначеніемъ умножились и углубились въ нашей душѣ въ самой ощутительной формѣ, и надъ всѣми ими, какъ и надъ физическими инстинктами, возвышается, въ качествѣ высшей повелѣвающей инстанціи, самая совершенная изъ функцій мозга—мысль, сознаніе и воля. Нравственные чувства не только направляютъ къ «добру», (т. е. къ общему благу), но и удерживаютъ отъ «зла»

образуя, въ союзѣ съ мыслью и волей, ту высшую и сложную систему задерживающихъ и регулирующихъ вліяній, о которой мы говорили выше и которая обезпечиваетъ *правильное*, т. е. полезное для общества дѣйствіе всѣхъ инстинктовъ и чувствъ.

Такъ, мы предпочитаемъ мучиться жаждой, чѣмъ утолить ее водой, которая въ силу *разсужденія* намъ кажется вредной для здоровья (задержка инстинкта мыслью). Мы постимся, т. е. обрекаемъ себя на голодъ во имя религіи (*религіозное чувство*); не доѣдаемъ, чтобы лучше насытить своихъ дѣтей (*родительское чувство*); миримся нерѣдко съ лишеніями, т. е. ограничиваемъ свои инстинкты ради блага ближняго (*любовь къ ближнему*); мы наказываемъ, скрѣпя сердце, любимаго ребенка (т. е. исправляемъ и регулируемъ извѣстный инстинктъ разсужденіемъ); половому влеченію человѣкъ противопоставляетъ свое рѣшительное «не могу», уступая ему только при извѣстныхъ, освященныхъ обществомъ условіяхъ (*половое нравственное чувство*, половая нравственность); мы успѣшно боремся со своимъ эгоизмомъ, свойственнымъ каждому живому существу и вытекающимъ изъ чувства самосохраненія, да и послѣдній властный инстинктъ, охраняющій первое благо каждаго созданія — жизнь, мы сплошь да рядомъ подчиняемъ болѣе высокимъ чувствамъ или нравственнымъ побужденіямъ, какъ любовь къ семьѣ или къ отечеству, чувство долга и т. п.

Эти нравственные инстинкты или нравственныя чувства человѣка довольно разнообразны и частью отвѣчаютъ условіямъ его личнаго благополучія, но еще чаще имѣютъ въ виду благо ближняго, будь-ли то благо семьи, близкихъ людей или же той

общины, къ которой человекъ принадлежит *). Мудрый Промыслъ, который все устрояетъ, приспособляя нашу душу къ условіямъ и нуждамъ общественной жизни, даровалъ намъ, рядомъ съ эгоизмомъ, защищающимъ личные интересы каждаго изъ насъ, цѣлый рядъ другихъ чувствъ, которыя не только удерживаютъ эгоизмъ въ должныхъ рамкахъ, но нерѣдко даже его совсѣмъ парализуютъ. Краеугольный камень этихъ чувствъ составляетъ *любовь къ ближнему* или къ другому, почему и ихъ въ совокупности, въ противоположность эгоизму, называютъ *альтруизмомъ* (*ego — я, alter — другой*).

Любовь къ себѣ подобнымъ, какъ мы уже говорили, въ ограниченной формѣ знакома и животнымъ. Началомъ ея безспорно является привязанность матки къ своимъ дѣтенышамъ и обратно, обезпечивающая самыя жизненные нужды послѣднихъ. Съ развитіемъ мозговыхъ полушарій и расширеніемъ душевнаго міра животныхъ, у нихъ, особенно въ лицѣ высшихъ позвоночныхъ, живущихъ обществами, раздвигаются и рамки первобытной родительской любви, распространяющейся уже на всѣхъ членовъ своего сообщества. У людей это будетъ привязанность къ своимъ односельчанамъ или горожанамъ, а въ послѣдствіи — ко всѣмъ представителямъ своего рода, другими словами — къ своей націи. Національная любовь или, какъ выражаются, національное чувство стоитъ на стражѣ общихъ національныхъ интересовъ и, подобно другимъ нашимъ инстинктамъ или чувствамъ, нуждается въ контролѣ разума; изъ него вытекаетъ законное и цѣлесообразное чувство международнаго соревнованія (какъ отъ любви къ ближнему про-

*) Между инстинктомъ и чувствомъ мы не проводимъ рѣзкой грани, считая только послѣднее ощущеніе болѣе сознательнымъ, чѣмъ первое, преобладающее особенно у дѣтей.

истекаетъ личное соревнованіе), которое, при недостаточномъ запасѣ любви, у многихъ людей вырождается въ ненависть къ другимъ народамъ и ихъ представителямъ. Вся исторія человечества, къ несчастью, запечатлѣна кровавыми слѣдами этой ненависти.

Гораздо чище и гораздо меньше шансовъ къ извращенію представляетъ высшая форма любви—любовь и состраданіе къ человѣку, какъ таковому, любовь, не ограничивающаяся только «своими», но признающая всѣхъ людей братьями. Картина зла и опустошеній, причиняемыхъ національной ненавистью, въ силу закона цѣлесообразности и нравственной эволюціи человечества, заставляетъ все громче и громче раздаваться голоса мыслящихъ людей и избранныхъ натуръ въ пользу общечеловѣческой, а не узконаціональной любви, и нѣтъ сомнѣнія, что первая принесетъ съ собою въ міръ разрѣшеніе отъ многихъ общественныхъ язвъ и бѣдствій, до сихъ поръ тяготѣвшихъ надъ людьми. На этомъ же просвѣтленномъ чувствѣ покоятся и надежды вегетаріанцевъ, такъ какъ любовь къ ближнему въ благородныхъ сердцахъ обыкновенно идетъ рука объ руку съ любовью и жалостью ко всему живому.

Самоотверженность, великодушіе, любовь къ отечеству, равенству и свободѣ, любовь къ «правдѣ» и «справедливости», уваженіе къ «праву», «чувство долга» и цѣлый рядъ другихъ социальныхъ чувствъ или «добродѣтелей» проистекаетъ главнымъ образомъ изъ той же любви къ ближнему, хотя къ нѣкоторымъ изъ нихъ примѣшиваются, какъ продуктъ общественныхъ и государственныхъ отношеній, и «правовыя представленія» *).

*) Т. е. представленія о той, *относительно* временной, иногда вполнѣ условной правдѣ, которая въ данное время уже

Въ тѣсной психологической связи съ любовью къ ближнему стоитъ и любовь къ истинѣ, освѣщающей нашъ путь къ счастью.

Тотъ же источникъ имѣетъ, въ связи съ запросами мысли, и религиозное чувство, т. е. любовь и благоговѣніе передъ тѣмъ Началомъ, которое управляетъ и законами нашей души и всѣмъ матеріальнымъ міромъ.

Любовь къ ближнему дѣлаетъ насъ также въ высшей степени неравнодушными къ его мнѣнію о насъ. Отсюда неограниченная власть надъ нами *общественнаго мнѣнія* (вѣрнѣе, мнѣнія того слоя общества, къ которому мы принадлежимъ), дѣйствующаго на насъ неотразимо даже помимо нашего сознанія. Это—страшная сила, которая дѣлаетъ изъ человѣка послушное орудіе общаго блага, если только люди правильно мыслятъ о добрѣ и злѣ и если они превозносятся дѣйствительную, а не мнимую добродѣтель, дѣйствительныя, а не мнимыя заслуги. Потребность въ одобреніи ближнихъ для нѣкоторыхъ лицъ является преобладающимъ чувствомъ, почти подчиняющимъ себѣ всѣ другія, и принимающимъ форму то славолубія или честолюбія, то тщеславія (честолюбіе въ примѣненіи къ мелочамъ). Между прочимъ, и побѣда вегетарианства зависитъ всецѣло отъ поворота въ общественномъ мнѣніи.

Рядомъ съ любовью къ человѣку въ нашей душѣ царитъ еще цѣлый рядъ спасительныхъ чувствъ уже спеціально тормозящаго характера (хотя и любовь является сильнымъ тормазомъ для всѣхъ эгоистическихъ порывовъ или инстинктовъ). Таковы: отвращеніе къ убійству и убійцамъ, чувство воздержанія

осуществлена и превращена въ законъ, нормирующій взаимныя отношенія членовъ общества,

въ половой сферѣ, въ области ѣды и питья, воздержаніе въ отношеніи чужой собственности и т. д. Эти чувства отвѣчаютъ нравственнымъ идеямъ: не убій, не прелюбодѣйствуй, не угождай своему чреву, не украдь и проч. Въ общей сложности, они представляютъ собой *идею воздержанія* въ обширномъ смыслѣ слова.

Любовь и воздержаніе—*вотъ альфа и омега нашей нравственности*, какъ дѣятельной и тормозящей функции мозга, подчиненной мысли и разсужденію. Это—то самое воздержаніе, которое составляетъ основу всякой моральной философіи и которое еще въ древности такъ самоотверженно проповѣдывалъ великій Сократъ (*ἡ εὐκρατεία*). Оно же лежитъ въ основѣ и безкровнаго питанія, которое есть ничто иное, какъ воздержаніе отъ убійства, жестокости и чревоугодія.

VI. Законы нравственности.

Вегетаріанство, какъ мы уже замѣтили вначалѣ, представляется многимъ какой-то далекой отъ жизни теоріей, продуктомъ досужей фантазіи, совсѣмъ непригоднымъ для людей жизни и настоящей жизненной обстановки. Большинству совершенно непонятно, почему убой животныхъ и мясояденіе наносятъ ущербъ любви къ людямъ и нравственности; да и—что грѣха таить—самыя эти добродѣтели далеко не занимаютъ въ нашемъ сознаніи подобающаго имъ мѣста. На словахъ мы, конечно, готовы ежеминутно подъ ними расписаться; но если заглянуть въ самую глубину нашихъ чувствъ и понятій, тѣхъ *настоящихъ* чувствъ и *настоящихъ* понятій, о которыхъ свидѣтельствуютъ только наши *поступки*, этотъ единственно вѣрный для нихъ критерій, то

мы натолкнемся тамъ на нѣчто, несовсѣмъ согласное съ нашими торжественными заявленіями. Тамъ мы увидимъ, что большинство людей считаетъ добродѣтель скорѣе украшеніемъ души, чѣмъ ея закономъ, скорѣе подвигомъ, котораго мы требуемъ отъ *другого* въ нашу пользу, чѣмъ реальнѣйшимъ условіемъ нашего собственного счастья.

Происходитъ это оттого, что въ нравственной области даже такъ называемые умные люди «не видятъ дальше своего носа». Чтобы понимать законы души и социальныхъ отношеній, надо ихъ также *правильно* анализировать, какъ мы анализируемъ явленія внѣшняго и матеріальнаго міра. Но, повидимому, такая сочетанная работа ума и «сердца», такое самоуглубленіе мысли и чувства наталкивается на неизмѣримо большія препятствія, на гораздо большій запасъ душевной инерціи, чѣмъ обычное объективное мышленіе; поэтому мы и отлыниваемъ отъ этой работы, довольствуясь полумыслями или *готовыми* рѣшеніями, которыя намъ подсказываютъ привычка, чутье и т. п. Вотъ почему и основныя нравственные законы нашей души—любовь и воздержаніе—до сихъ поръ принимались нами только *на вѣру*, не проникли еще глубоко въ наши *убѣжденія* и не поняты нами во всемъ ихъ объемѣ; вотъ почему также эти законы, выражающіе собой божественное начало жизни, еще не внесли достаточно свѣта и тепла какъ во взаимныя и международныя отношенія людей, такъ и въ отношенія ихъ къ животнымъ.

Задача современнаго знанія заключается въ томъ, чтобы основы добра, вложенныя въ нашу душу Творцомъ и бывшія до сихъ поръ только предметомъ *вѣры*, предстали передъ людьми въ ореолѣ *доказанныхъ и ясно понятыхъ научныхъ истинъ* (ко-

торыя вмѣстѣ съ тѣмъ суть и божественныя истины). Хотя мы далеки отъ мысли взять на себя разрѣшеніе столь обширной задачи, однако мы не можемъ не пойти ей на встрѣчу по уже разѣ избранному нами пути, чтобы показать читателямъ вегетаріанскій вопросъ въ его истинномъ свѣтѣ и въ неразрывной связи со всѣми основами человѣческой морали.

Сдѣлаемъ краткое резюме всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ фізіологіи и психологіи.

Высшее отправление мозга есть сознательное разсужденіе, дѣлающее выводы изъ уже усвоенныхъ фактовъ или мыслей (мышленіе, умъ, логическія операціи). Но этотъ сложный мозговой процессъ требуетъ времени, а въ отношеніи къ нравственнымъ и другимъ вопросамъ жизни предполагаетъ еще болѣе или менѣе богатый запасъ знаній и порядочный навыкъ въ мышленіи. Такъ какъ многія нужды человѣка требуютъ *немедленнаго* удовлетворенія, то природа одарила насъ и животныхъ (еще менѣе насъ способныхъ къ мышленію) нѣсколькими категоріями инстинктовъ и чувствъ, какъ ближайшими и быстро дѣйствующими регуляторами нашихъ поступковъ, подчинивъ однако эти инстинкты, насколько это возможно у разныхъ людей, высшему контролю мысли (или разсужденія). Изъ этихъ чувствъ и инстинктовъ одни побуждаютъ къ дѣйствіямъ, другіе же тормозятъ, задерживаютъ; одними обезпечиваются только интересы индивида и задача размноженія породы (грубыя, животныя стремленія), другіе же имѣютъ въ виду *общее благо* и общіе интересы, объемлющіе собою и благо каждой личности (нравственныя инстинкты—любовь къ ближнему и воздержаніе во всѣхъ ихъ разнообразныхъ формахъ и проявленіяхъ).

Нашъ мозгъ, какъ органъ души, такимъ образомъ,

уподобляется двигательной машинѣ съ чрезвычайно сложнымъ тормозящимъ аппаратомъ (нравственные инстинкты и разсужденіе), которымъ измѣряется совершенство самой машины. Въ этомъ отношеніи поучительна полная аналогія, существующая между грубо-физиологическими или растительными отправлениями мозга и его душевными функціями, такъ какъ именно первыя точно также подчиняются одновременно двумъ системамъ исходящихъ изъ головного мозга импульсовъ—двигательнымъ и задерживающимъ *).

Нравственное чувство человѣка и его любовь непрестанно подвергаются тяжкому испытанію, которое животнымъ знакомо лишь въ незначительной степени. Искусителемъ является главнымъ образомъ нашъ умъ. Его прямое назначеніе, какъ мы уже знаемъ—господствовать надъ всѣми нашими чувствами, какъ физическими, такъ и нравственными, и направлять ихъ къ личной пользѣ и общему благу. Такъ, голодающаго и жаждущаго онъ научаетъ, какъ достать себѣ пищу или влагу или же, наоборотъ, совѣтуетъ подавить на время эти чувства, если удовлетвореніе ихъ можетъ принести вредъ, вмѣсто пользы (напримѣръ, при заболѣваніяхъ организма). При нападении на насъ врага, жаждущаго нашей смерти, когда внутри насъ громко раздается голосъ «не убій!» (одинъ изъ нравственныхъ инстинктовъ, вытекающихъ изъ любви къ ближнему), умъ говоритъ намъ другое: «ты вынужденъ и долженъ защищаться или убивать, ибо въ противномъ случаѣ у тебя у

*) Такая двойная иннервація или регуляція въ настоящее время твердо установлена для сердца, кровеносныхъ сосудовъ, кишечника, зрачка, отраженныхъ движеній (рефлексы) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ; но она представляется вѣроятной и для всѣхъ другихъ отравленій организма.

самого отнять жизнь». Человѣку, преисполненному любви, тотъ же умъ указываетъ пути, какъ наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ излить эту любовь на своихъ ближнихъ, и т. д. Однако этимъ далеко не ограничивается работа мысли по отношенію къ нашимъ инстинктамъ. Вглядимся попристальнѣе въ этотъ процессъ, и мы тогда увидимъ, что умъ или мысль, въ сущности, играетъ здѣсь роль чисто-нейтральной силы, которая, такъ сказать, съ полнымъ безстрастіемъ поступаетъ на службу какъ къ нашимъ физическимъ, такъ и къ нравственнымъ инстинктамъ, смотря по тому, какая сторона беретъ перевѣсъ.

Такимъ образомъ, когда чувство голода или жажды, преодолевъ извѣстное нравственное представленіе объ умѣренности («не угождай чреву своему»), превращается въ обжорство или пьянство; когда инстинктъ самосохраненія, побѣдивъ любовь къ брату, вырождается въ эгоизмъ; когда честолюбіе, одно изъ самыхъ сильныхъ и цѣлесообразныхъ общественныхъ чувствъ, не удерживаемое чувствомъ долга, ведетъ къ политическому преступленію, или когда половое влеченіе, не получивъ должнаго отпора со стороны чувства половой нравственности (или нравственнаго представленія: «не прелюбодѣйствуй»), принимаетъ форму разврата,—то умъ не только насъ не выручаетъ, но даже открываетъ намъ все новые средства и пути для болѣе полнаго удовлетворенія нашихъ страстей. Но мало того: онъ еще дѣлаетъ постоянно усилія, чтобы заглушить самое нравственное чувство или такъ называемый голосъ совѣсти, старается *обмануть эту совѣсть*.

Напримѣръ, политическому честолюбцу умъ его нашептываетъ, что побудительной причиной его эго-

истическихъ дѣйствій служить не личный расчетъ, а забота объ общемъ благѣ.

Пьяница нерѣдко утѣшаетъ себя тѣмъ, что онъ пьетъ «съ горя».

Люди, у которыхъ національное чувство, точнѣе, чувство національнаго соревнованія, при недостаточной силѣ того источника любви, изъ котораго оно вытекаетъ (см. выше), принимаетъ форму національной ненависти, далеко не всегда открыто сознаются въ этомъ, но большею частью обманываютъ и себя и другихъ, объясняя свою враждебность нравственными недостатками или пороками нелюбимой національности, которая, слѣдовательно, заслуживаетъ вполнѣ своего осужденія; къ несчастью, съ теченіемъ времени самообманъ, не разоблаченный при своемъ возникновеніи, пускаетъ корни въ наше сознание и превращается такимъ образомъ въ искреннее убѣжденіе *).

Мужчина и женщина, преступая извѣстную заповѣдь, чтобы подавить поднимающійся изъ глубины души протестъ, сплошь и рядомъ называютъ свое чисто - физическое влеченіе (половой инстинктъ) нравственною любовью, т. е. любовью къ ближнему, которая естественно не вызываетъ никакой внутренней реакціи, или же они внушаютъ себѣ самимъ, что «передъ Богомъ» они уже мужъ и жена и т. д.

Эта борьба нашихъ нравственныхъ чувствъ, отвѣчающихъ условіямъ общаго блага и правильно понятому счастью каждой личности, съ физическими инстинктами и эгоизмомъ составляетъ, повидимому, основной законъ нашей внутренней жизни. Это—та *борьба въ душѣ чловѣка двухъ началъ, добраго и*

*) Это—обычный, роковой законъ для всякой, даже самой грубой и вначалѣ вполнѣ сознаваемой лжи, если мы ее упорно повторяемъ, не встрѣчая возраженій.

злаго, которую уже давно подмѣтили мыслители и поэты. Въ этой борьбѣ умъ обыкновенно становится на сторону сильнаго; поэтому, когда въ душѣ нашей голосъ зла раздается достаточно громко, то умъ является настоящимъ «*злымъ-искусителемъ*», который своими ухищреніями старается окончательно заглушить протестъ совѣсти, чтобы обезпечить побѣду за эгоизмомъ, порокомъ и преступленіемъ *).

*) Такъ какъ умъ самъ по себѣ есть сила слѣпая, которая служить и добруму началу и злему, то ясно, что всякая истинная культура и всякое истинное просвѣщеніе должны ставить себѣ задачей не только развитіе ума и обогащеніе его познаніями, но всего больше и главнымъ образомъ — *духовный* подъемъ людей или ихъ нравственный ростъ, при самой дѣятельной и неустанной проповѣди любви къ ближнему и поддержанія, какъ единственно вѣрнаго залога человѣческаго счастья; ибо безъ любви, какъ это явствуетъ изъ сдѣланныхъ нами выше опредѣленій, не бываетъ ни справедливости, ни правды въ личныхъ и общественныхъ отношеніяхъ, ни болѣе или менѣе равномернаго распредѣленія матеріальныхъ благъ и т. д. Но въ нашъ вѣкъ электричества и телефона, кажется, забыли эту истину и, ослѣпленные блескомъ новѣйшихъ открытій въ области матеріалистическихъ наукъ, по какому то недомыслию, люди почти отказались отъ прежняго идеалистическаго, религиозно-философскаго направленія, вмѣсто того, чтобы неуклонно слѣдовать тѣмъ же путемъ, только при свѣтѣ современнаго знанія. Результатомъ этой ошибки былъ упадокъ идеализма (т. е. нравственныхъ чувствъ и представленій), который уже приносить очень горькіе плоды и въ Европѣ, и у насъ. На нашихъ глазахъ какъ бы возрождается древняя, односторонняя культура, съ расцвѣтомъ такъ наз. наукъ и искусствъ, нисколько не исключавшимъ въ свое время ни рабства, ни жестокости, ни безпутства и т. д. Но уже въ древности лучшіе умы протестовали противъ такого направленія культуры, и мы не можемъ устоять противъ искушенія цитировать нѣкоторыя мысли великаго Сенеки, современника римскаго императора Нерона, очень живо напоминающія намъ образованіе, получаемое и въ настоящее время большинствомъ людей въ Европѣ и у насъ:

„О несравненное, превосходное воспитаніе! Благодаря ему, ты можешь измѣрять круги и квадраты и всѣ разстоянія между звѣздами. Все стало доступно для твоей геометріи. Но если ты такой прекрасный механикъ, измѣрь же умъ человѣческій! Скажи мнѣ, какъ онъ великъ или какъ онъ малъ. Ты знаешь, что та-

Эти соблазны ума, какъ нами будетъ подробно развито ниже, были рѣшающимъ моментомъ и при первыхъ посягательствахъ человѣка на тѣло животныхъ, такъ какъ при своемъ появленіи на землѣ человѣкъ, подобно обезьянѣ, безспорно не зналъ иной пищи, кромѣ плодовъ этой земли; да и теперь еще они ясно звучать въ большей части аргументовъ, приводимыхъ защитниками мясной пищи. Но не всегда однако борьба добраго и злаго началъ въ душѣ человѣка оканчивается побѣдой послѣдняго, какъ это случилось въ вопросѣ о пищѣ. Какъ вездѣ въ природѣ, такъ и здѣсь существуетъ всегда извѣстное соотвѣтствіе между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ, между физическими поползновеніями или эгоистическими порывами, находящими поддержку въ оболъщенихъ мысли, и той сдерживающей и направляющей внутренней силой, которую мы формулировали въ двухъ словахъ: любовь и воздержаніе. Какъ неотразима эта сила, видно уже изъ того, что *торжеству зла въ нашихъ помыслахъ почти всегда предшествуетъ обманъ совѣсти*. Другими словами, люди преступаютъ правила: не убій, люби и т. д. не потому, чтобы они были свободны отъ этихъ сдерживающихъ вліяній, отъ нравственнаго чувства или голоса совѣсти, но потому, что они усыпляютъ свою совѣсть той или другою аргументаціей. Не всѣ надѣлены нравственнымъ чувствомъ въ одинаковой степени; но нѣтъ человѣка (кромѣ душевнобольныхъ въ состоя-

кое прямая линія; какая тебѣ въ этомъ польза, если ты не знаешь прямого пути въ жизни! Итакъ, что же? всѣ свободныя науки оказываются несостоятельными. Для чего другаго онѣ пригодны, для добродѣтели же ничего не стоятъ...“ „Всегда ли внушаютъ свободныя науки эти правила? Такъ же мало, какъ мало онѣ способствуютъ воздержанію и умѣренности въ жизни, какъ мало содѣйствуютъ милосердію, одинаково осмотрительному въ пролитіи чужой, какъ и собственной крови“...

ни идиотизма), которому оно было бы совсѣмъ чуждо, какъ нѣтъ людей, у которыхъ отсутствовала бы та или другая незамѣнимая часть мозга.

Поэтому нравственное чувство, по нашему мнѣнію, такъ же у насъ врождено, какъ и физическія особенности нашего тѣла. Высказывая эту мысль, бывшую предметомъ ожесточенныхъ споровъ между философами, мы опираемся особенно на исторію развитія человѣчества, какъ она представляется намъ при свѣтѣ дарвинизма. Согласно этому ученію, сильные индивиды и сильныя породы переживаютъ и побѣждаютъ слабые, безпрестанно упражняя свою силу или свои преимущества и завѣщая ихъ затѣмъ своимъ потомкамъ, которые продолжаютъ дѣло своихъ родителей.

Весьма понятно, что законъ біологіи не знаетъ исключеній и не дѣлаетъ различія между животными и людьми. Поэтому слѣдуетъ думать, что и человѣкъ побѣдилъ животныхъ и теперь, въ качествѣ личности или въ качествѣ націи, продолжаетъ одерживать верхъ надъ другими людьми и другими націями при помощи нѣкоторой силы, которую онъ постоянно упражняетъ и передаетъ потомству.

Какая же это сила?

У низшихъ животныхъ въ роковой борьбѣ за существованіе имѣютъ рѣшающее значеніе *чисто-физическія* особенности или элементарныя преимущества тѣла. Болѣе толстая и, слѣдовательно, менѣе ранимая кожа, чѣмъ у соперника, сильныя крылья или болѣе крѣпкія ноги, облегчающія бѣгство отъ врага или же добываніе пищи и т. п.—вотъ что крайне нужно животнымъ, смотря по средѣ и условіямъ существованія каждаго изъ нихъ. Но уже въ классѣ позвоночныхъ, рядомъ съ рогами, копытами или острыми зубами, выступаетъ новое и могущественное ору-

діе борьбы—степень развитія головного мозга, которая, съ появленіемъ на землѣ человѣка, дѣлается рѣшающимъ факторомъ. Центръ тяжести міроваго процесса эволюціи съ тѣхъ поръ перенесся изъ чисто растительной сферы животнаго въ органъ его душевной жизни.

Итакъ головной мозгъ и, въ особенности, его сѣрая кора съ покрывающей ее сѣткою извилинъ, какъ органъ высшихъ душевныхъ отправления чело-вѣка,—это и есть неисчерпаемый источникъ нашей силы и нашего совершенства, то, чѣмъ мы побѣдили міръ и чѣмъ люди и народы и понынѣ побѣждаютъ другъ друга. Мы надѣемся, что эти интересующія насъ функціи, а отчасти и ихъ взаимныя отношенія, послѣ предыдущихъ разсужденій и примѣровъ, рисуются теперь читателю въ довольно ясныхъ очертаніяхъ. Въ борьбѣ за существованіе между отдѣльными людьми и народами главнымъ залогомъ успѣха являются нравственныя качества и умственное развитіе, говоря иначе—*воздержаніе и любовь, руководящія и руководимыя умомъ*. Правда, что въ отношеніяхъ между личностями торжество добра нерѣдко затемняется въ нашихъ глазахъ игрою случая и, въ особенности, нашей непривычкой къ правильному психологическому наблюденію и анализу; но за то оно выступаетъ очень рельефно въ борьбѣ между сословіями и цѣлыми націями *).

*) Прежде всего любящій и нравственный чело-вѣкъ беретъ верхъ тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ онъ оставляетъ послѣ себя больше потомства, чѣмъ эгоисты и порочные люди. По этой причинѣ главное плодящееся ядро европейскихъ, а вѣроятно—и другихъ націй составляетъ бѣдный классъ, который, при ложномъ, односторонне-умственномъ направленіи культуры и неразрывно съ ней связанной развращенности высшихъ сословій, не смотря на свою умственную отсталость, остается главнымъ хранителемъ добрыхъ началъ жизни. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ

Такъ, напримѣръ, въ исторіи многихъ народовъ среднее и низшее сословія болѣе или менѣе претендуютъ заступити мѣсто вымирающаго или оттѣсняемаго высшаго класса, такъ какъ при чисто-умственномъ развитіи людей, не идущемъ рука объ руку съ нравственнымъ, богатство и власть обращаются во вредъ человѣку, развращаютъ его и губятъ. По той же причинѣ невѣжественные варвары обрушились и раздавили древній «культурный» Римъ и все римское государство. Или вотъ еще примѣръ изъ текущей политической хроникѣ. Еще недавно появленіе какой нибудь европейской націи въ сосѣдствѣ съ тѣмъ или другимъ дикимъ племенемъ, даже при вполне мирныхъ взаимныхъ отношеніяхъ, было для послѣд-

необходимой гарантіей размноженія является, рядомъ съ половой нравственностью, и умѣніе охранять жизнь дѣтей, предполагающее у родителей любовь и самоотверженность, вообще большой запасъ альтруизма, а не противоположныя свойства. Но помимо счастья и полноты жизни, которыя даютъ семья и дѣти, помимо долговѣчности, которая часто является наградой за умѣренность и нравственность, добродѣтель ждетъ еще иное воздаяніе внутренняго и внѣшняго характера. Вопервыхъ, слѣдованіе ей даетъ намъ высокое внутреннее удовлетвореніе (въ силу общаго закона удовольствія отъ удовлетворенія потребностей) и гордое сознаніе исполняемаго долга; это—настоящее ощущеніе счастья въ полномъ значеніи этого слова. Во вторыхъ, даже въ испорченномъ обществѣ добродѣтель внушаетъ къ себѣ тайное или явное уваженіе, а на болѣе высокой ступени общественно-нравственнаго развитія ее окружаютъ даже почетъ и слава, слѣдовательно—то, что удовлетворяетъ одинъ изъ нашихъ самыхъ сильныхъ общественныхъ инстинктовъ и поэтому также является источникомъ счастья. Если же кто, по неразвитости или вслѣдствіе развращенности, не получаетъ отъ воздержанія и любви къ ближнему никакого удовлетворенія и не чувствуетъ вовсе этихъ потребностей,—потому-ли, что слѣды нравственныхъ идей въ его мозгу никогда не были достаточно ясно запечатлѣны (нравственная неразвитость), или же они сгладились послѣдствіемъ (развращенность),—то такой человѣкъ по состоянію своей души вообще неспособенъ къ высокимъ нравственнымъ ощущеніямъ и его «счастье», будь онъ, напримѣръ, богатъ и знатенъ, въ сущности столь же незавидно, какъ благополучіе сытой коровы.

няго равносильно смертному приговору, такъ какъ первобытная культура не въ состояніи успѣшно бороться съ носителями умственно-нравственного прогресса, какими еще недавно, хотя только отчасти являлись европейцы. Но по мѣрѣ того, какъ духовно-нравственный источникъ нашей цивилизаціи, который она нашла въ христіанствѣ, по философскому недомыслию людей, все болѣе и болѣе изсякаетъ, а односторонне-умственный прогрессъ мало по малу отклоняетъ насъ отъ прежняго пути въ сторону «просвѣщеннаго» эгоизма и «просвѣщеннаго» матеріализма, горизонтъ отдаленнаго или даже близкаго будущаго европейскихъ народовъ все болѣе и болѣе заволакивается тучами, и недаромъ еще вчера, по поводу нравственной мощи китайцевъ, неожиданно развернувшейся передъ изумленнымъ взоромъ Европы, многіе были смущены призракомъ надвигающейся для нашей культуры опасности.

Все это имѣетъ прямое, непосредственное отношеніе къ нашей темѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если любовь къ брату и воздержаніе являются не только «украшеніемъ» души, не только очень желательнымъ *въ другихъ* качествахъ, какъ это представляется многимъ, но непреложнымъ закономъ этой души, единственнѣйшѣмъ условіемъ счастья, могущества и главнымъ орудіемъ эволюціи высшихъ животныхъ и человѣка въ духѣ дарвинизма,—то не нелѣпо ли видѣть въ пищевомъ режимѣ, исключаящемъ убійство и, въ сущности, составляющемъ неразрывную часть общей и широкой программы добра, какую то химеру, или что-то чуждое человѣку и его потребностямъ?

Не странно ли предположить, что мудрый Промыслъ, который съ такимъ непонражаемымъ, непостижимымъ для насъ искусствомъ поставилъ всѣ

явленія жизни и природы въ самую тѣсную между собою, органическую связь, могъ создать челоѵка для пищи, основанной на неустанномъ упражненіи въ убійствѣ, когда все движеніе впередъ и животнаго царства есть одинъ сплошной триумфъ любви, когда только дѣною любви и милосердія челоѵкъ покупаетъ каждый вѣрный свой шагъ по пути прогресса и счастья?

Имѣеть-ли, далѣе, смыслъ ссылаться, въ защиту мясояденія, на примѣръ многихъ животныхъ, живущихъ другъ на счетъ друга, когда мы видимъ, что само Провидѣніе, вслѣдъ за закономъ жестокости, носителемъ котораго являются львы и тигры, выдвинуло въ природѣ и противоположный ему законъ любви и состраданія, какъ безошибочное орудіе совершенства и вѣрный путь къ общему счастью, который и привелъ къ появленію на землѣ челоѵка, какъ воплощеннаго торжества этого закона любви и какъ его послѣдняго слова?

Но между разнымъ оружіемъ, которымъ хотятъ побить вегетаріанцевъ, есть еще одно и на видъ очень солидное, имѣющее однако свои корни въ непониманіи законовъ нравственности и челоѵческой души. Намъ говорятъ: «странно проливать слезы о страданіяхъ животныхъ, когда на нашихъ глазахъ, тутъ и тамъ, истекаетъ кровью нашъ братъ-челоѵкъ; позаботьтесь сперва, чтобы не убивали и не мучили людей, чтобы не было войнъ, чтобы тысячи жизней на аренѣ непосильнаго труда, на фабрикахъ, въ шахтахъ и т. д., ежедневно не приносились въ жертву интересамъ немногихъ, чтобы, вмѣсто жестокости и неравенства, въ челоѵческихъ отношеніяхъ царили любовь и справедливость,—и тогда, пожалуй, можно будетъ подумать и о животныхъ. Въ настоящее же время, пока челоѵкъ еще

стонеть подъ тяжестью неправды и кровопролитія, всѣ ваши призывы въ пользу животныхъ звучать тѣмъ-то лицемѣрнымъ и приторнымъ».

Такъ-ли это?

Вернемся къ ученію дарвинизма. Особенности породы, полученныя по наслѣдству и являющіяся орудіемъ успѣха въ борьбѣ за существованіе, не только передаются, въ свою очередь, потомству, но еще въ теченіи всей жизни индивида укрѣпляются и изоцряются въ немъ путемъ упражненія. Въ противномъ же случаѣ, т. е. при отсутствіи упражненія, а тѣмъ паче при упражненіи въ противоположномъ направленіи, эти доставившія животному побѣду свойства захирѣютъ, придуть въ упадокъ и передадутся потомству въ ослабленномъ видѣ, или же даже совсѣмъ до него не дойдутъ.

Для нашей человѣческой расы орудіемъ и залогомъ успѣха въ борьбѣ за существованіе служатъ умъ и нравственное чувство въ томъ ихъ взаимодействіи, которое достаточно освѣщено нами выше. Слѣдовательно, человѣкъ, чтобы удержаться на той высотѣ, на которую его поставила исторія развитія животныхъ, подчиняясь міровому процессу, долженъ неустанно упражнять въ извѣстномъ направленіи свой умъ и нравственное чувство, чтобы эти качества въ немъ не завяли, не атрофировались, а все больше крѣпли и передавались потомству въ усовершенствованной формѣ. *Либо впередъ, либо назадъ*—вотъ въ нѣсколькихъ словахъ этотъ законъ развитія. Взаимодействіе ума и нравственнаго чувства, это—мысль, любовь и воздержаніе въ тѣсномъ между собою союзѣ, какъ мы уже подробно развивали. Итакъ, вотъ—та высшая и сложная функція головного мозга, которая требуетъ непрерывнаго упражненія и развитія для того, чтобы обезпечить какъ су-

ществованіе человѣчества, такъ и безостановочное движеніе его впередъ по пути *истиннаго* прогресса.

Читатель навѣрно помнитъ тотъ длинный рядъ чувствъ или нравственныхъ идей, которыя обнимаютъ эти два обобщенныхъ понятія—любовь и воздержаніе. Любовь къ роднымъ или близкимъ, къ своему народу, къ своей странѣ и ко всему человѣчеству, чувство долга, любовь къ правдѣ и справедливости, любовь къ Творцу (религіозное чувство), потребность въ одобреніи ближнихъ или зависимость отъ общественнаго мнѣнія (славолюбіе и честолюбіе)—все это и еще нѣкоторыя другія понятія входятъ въ общее опредѣленіе любви или альтруизма. Воздержаніе—родная сестра или даже дѣтище любви и обозначаетъ совокупность цѣлой категоріи специально тормозящихъ представленій, каковы: не убій, не украдь, не угождай своему чреву, не прелюбодѣйствуй, не лги, не клевети и т. д.

Вотъ, слѣдовательно, тѣ чувства, которыя мы должны тщательно культивировать, и тѣ *преграды*, черезъ которыя мы не должны переступать. Дѣйствуя въ обратномъ смыслѣ, исходя въ своихъ поступкахъ изъ ненависти и воздержанія, причиняя ближнему зло, убивая, говоря ложь, клеветая, мы нарушаемъ основной законъ нашего развитія и постепенно сглаживаемъ въ своемъ мозгу тѣ слѣды или понятія, которыя начертаны тамъ Провидѣніемъ, какъ источникъ общаго блага и нашего личнаго счастья. Дабы человѣкъ, толкаемый своими вышедшими изъ границъ физическими инстинктами и искушаемый умомъ, не уклонялся отъ стези добра, существуютъ для него еще три побудительныя силы.

Во-первыхъ, нравственныя чувства и идеи, насколько они запечатлѣны въ нашемъ мозгу, требуютъ удовлетворенія, которое, какъ и удовлетвореніе чисто-

физическихъ потребностей, но въ неизмѣримо болѣе-шей степени, является источникомъ наслажденія и счастья. Оттого и говорятъ, что добродѣтель носить въ самой себѣ свою награду.

Во-вторыхъ, правильно настроенное общественное мнѣніе, особенно въ средѣ нравственно-развитой, знаетъ настоящую цѣну добродѣтели и, слѣдуя своему назначенію, окружаетъ ее славой и почетомъ; впрочемъ, и самое развращенное общество невольно отдаетъ дань уваженія высокимъ качествамъ души. Это будетъ хотя внѣшняя, но также очень важная награда, ибо любовь къ ближнему дѣлаетъ насъ, между прочимъ, крайне чуткими къ его мнѣнію. О цѣлесообразной подкладкѣ, съ точки зрѣнія блага общества и прогресса, этого, какъ и другихъ социальныхъ чувствъ, мы распространялись уже въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ, третья сила, наиболѣе способная удерживать насъ на пути добра, лежитъ въ нашемъ умѣ. Мы уже видѣли, что, если въ борьбѣ между нашими физическими и нравственными инстинктами вѣсы склоняются на сторону первыхъ, то умъ беретъ на себя пагубную, чисто отрицательную роль, заглушая еще не совсѣмъ умолкшій голосъ совѣсти (т. е. протестъ нравственнаго чувства) своими софизмами и ухищреніями, а также открывая широкое поле для болѣе утонченнаго или болѣе полнаго удовлетворенія побѣдившаго инстинкта. Напротивъ, при перевѣсѣ на сторонѣ добраго начала, тотъ же умъ освѣщаетъ послѣднему настоящій путь для его осуществленія. Но эта услуга мысли въ дѣлѣ добра совершенно блѣднѣетъ передъ другими ея благодѣяніями.

Прежде всего, она натолкнула всѣ народныя массы на сознаніе необходимости создать школу чисто-теоретическаго упражненія и изоциренія

нравственныхъ инстинктовъ, съ цѣлью облегчить и подготовить ихъ побѣду на аренѣ практической жизни. Такимъ образомъ зародились *религіозное учене* и *религіозный культъ*. Вознося молитвы къ Творцу, предаваясь религіозному чтенію, или слушая проповѣдь, мы теоретически упражняемъ и закрѣпляемъ высшія качества нашей души, дабы они могли устоять въ борьбѣ съ ожидающими ихъ на житейскомъ поприщѣ искушеніями. Такъ какъ физическій или умственный трудъ (которому люди предаются какъ въ силу необходимости, такъ и для удовлетворенія внутренней, частью физической и частью, же нравственной потребности или чувства) часто поглощаетъ почти все время, свободное отъ сна и физическаго отдыха, то это создаетъ необходимость отвести одинъ день въ недѣлю специально для религіозно-нравственныхъ упражненій. Это и есть воскресный день, соблюденіе котораго согласно его назначенію въ высшей степени важно для «гигіены духа».

Общеизвѣстно правило, что всякая теорія должна идти рука объ руку съ практикой и что теорія безъ практики представляетъ собой аномалію. Именно, такое ненормальное явленіе мы встрѣчаемъ довольно часто въ жизни въ дѣлѣ теоретическаго упражненія нашихъ нравственныхъ чувствъ. Нетрудно понять, что такое упражненіе дается намъ гораздо легче, чѣмъ *практическое*, житейское осуществленіе этихъ чувствъ въ борьбѣ съ эгоизмомъ, корыстолюбіемъ (преувеличенное чувство собственности), половымъ влеченіемъ, обжорствомъ и т. д. А потому, нѣкоторые люди, вслѣдствіе извѣстнаго лукавства или лицемѣрія, поддавшись уму-соблазнителю, усиленно посѣщаютъ храмъ Божій, «долго стоять на молитвѣ», и т. д., и, получивъ такимъ, такъ сказать, дешевымъ

и непродуцательнымъ способомъ почти полное нравственное удовлетвореніе (о чемъ рѣчь была выше), истративъ почти весь запасъ нравственной энергіи, они затѣмъ на житейской сценѣ «съ легкимъ сердцемъ» творять зло.

Однако такое злоупотребленіе религіей, вызвавшее знаменитую нагорную проповѣдь Христа, совершенно напрасно дискредитируетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ людей самую систему теоретически-нравственныхъ упражненій. Конечно, тотъ изъ насъ, кто, при высокомъ уровнѣ нравственнаго развитія, непрестанно осуществляетъ завѣты Творца на практикѣ, успѣшно борясь съ искушеніями и своими дѣлами свидѣтельствуя о настоящей любви къ ближнему, — пожалуй, исполняетъ до извѣстной степени высокое назначеніе человѣка и живетъ духовной жизнью и помимо спеціально-теоретическихъ упражненій. Но много-ли такихъ выдающихся людей? Въ водоворотѣ житейскихъ интересовъ и неустаннаго труда не грозитъ-ли большинству, въ особенности массѣ, нѣкоторое притупленіе и забвеніе нравственныхъ чувствъ, если послѣднія не будутъ культивироваться при помощи особеннаго религіознаго режима? И не присутствуемъ-ли мы въ наше время при такомъ процессѣ «матеріализаціи духа» даже въ средѣ отставшей отъ религіи интеллигенціи, для которой односторонняя, чисто-умственная пища или культъ искусства, съ его обычной эротической окраской, не можетъ ни въ какомъ случаѣ служить школой упражненія духовно-нравственной стороны нашей природы?

Чтобы достаточно оцѣнить значеніе этой потребности духа, какъ и другіе его законы, надо *мыслить*, надо умѣть анализировать явленія души съ такой же правильностью и объективностью, съ какой

мы изслѣдуемъ видимые предметы и неодушевленную природу. Вотъ вторая самая существенная и самая радикальная услуга ума въ несравненномъ дѣлѣ упроченія нашего альтруизма и нашей нравственности. Исторія и жизнь учатъ насъ, что «вѣра» людей въ истину, къ сожалѣнiю, подвергается частымъ колебанiямъ, что вѣру часто смѣняетъ «безвѣрiе», что нерѣдко и якобы «умные» люди, ослѣпленные своимъ эгоизмомъ или безнравственностью, въ глубинѣ души не вѣрятъ въ добро и считаютъ доброе начало только необходимымъ и удобо-эксплоатируемымъ качествомъ «для народа», «для другихъ», но не для себя и т. д. Поэтому всѣ усилiя мыслящихъ людей должны быть направлены на то, чтобы, наконецъ, при помощи современнаго знанiя, предметъ *вѣры* превратить въ *непреложную, научную и удобо-доказуемую истину* и чтобы, рядомъ съ разработанной уже наукой о природѣ, создать и настоящую *науку о чело­вѣкѣ, о его душѣ и о законахъ нравственности*, науки, которой до сихъ поръ еще не существуетъ. Тогда только любовь къ ближнему и воздержанiе утвердятся въ сознаниі людей на незыблемомъ фундаментѣ мысли, и та неразрывная связь, которая существуетъ между отдѣльными вопросами морали, въ томъ числѣ и вегетарианскимъ, не будетъ больше ни для кого предметомъ сомнѣнiй.

Какъ ни обширна эта задача, полное разрѣшенiе которой придется на долю будущихъ поколѣнiй, однако и теперь уже психо-физиологическiй анализъ въ томъ направленiи, въ которомъ мы ведемъ все наше разсужденiе, даетъ намъ ключъ къ оцѣнкѣ многихъ явленiй нашей психологiи и нѣкоторыхъ выдающихся законовъ нравственности, имѣющихъ прямое отношенiе къ вегетарианству. Попытаемся же

формулировать нашу мысль въ нѣсколькихъ положеніяхъ, которыя мы затѣмъ пояснимъ примѣрами.

1. Наши нравственные чувства, иначе нравственные представленія или соотвѣтствующія имъ мозговые клѣточки (психическіе центры, помѣщающіеся въ передней, лобной части мозговой коры) можно раздѣлить на 2 системы, соотвѣтствующія общему чувству или общему понятію любви и общему чувству или понятію воздержанія.

Первую систему составляютъ: любовь къ родителямъ, къ близкимъ, соотечественникамъ (національная любовь), къ родинѣ, ко всѣмъ людямъ, любовь къ правдѣ, справедливость, чувство равенства, чувство свободы, благоговѣніе передъ Творцомъ (религіозное чувство), трудолюбіе (частью нравственное, частью физическое чувство), уваженіе къ праву и т. п.

Вторая система складывается изъ чисто-тормозящихъ представленій или чувствъ: не убій, не украдь, не чревоугодничай (чувство умѣренности въ удовлетвореніи голода и жажды), не прелюбодѣйствуй, не лги, и т. д.

Всѣ завѣдующіе этими чувствами высшіе психическіе или задерживающіе центры являются антагонистами другихъ центровъ, служащихъ исходнымъ пунктомъ нашихъ физическихъ и эгоистическихъ инстинктовъ, какъ чувство самосохраненія, обаяніе передъ физической силой (вѣроятно, одно изъ жалкихъ животныхъ наслѣдій, столь неумѣстное на фонѣ почти способной творить чудеса нравственной энергіи человѣка), чувство голода, половой инстинктъ и т. п. Изъ нихъ первые развились у человѣка, какъ орудіе въ борьбѣ за существованіе и какъ вѣрнѣйшій залогъ его дальнѣйшаго преуспѣянія на землѣ *).

*) Всѣ эти данныя уже хорошо извѣстны читателю и приведены здѣсь только для большей наглядности въ отношеніи нижеслѣдующихъ положеній.

2. Какъ между отдѣльными членами или клѣточками каждой системы, такъ и между самими системами существуетъ неразрывная анатомо-физиологическая связь, соединяющая ихъ въ одну общую систему центровъ нравственности.

3. Функціи всѣхъ описываемыхъ психическихъ центровъ (т. е. центровъ нравственныхъ чувствъ), а вѣроятно—и самые центры существуютъ, крѣпнуть и развиваются, при условіи непрекращающагося упражненія. Напротивъ, они слабѣютъ отъ бездѣтельности и особенно приходятъ въ упадокъ отъ чрезмѣрнаго упражненія или торжества противоположныхъ имъ центровъ, завѣдующихъ нашими физическими инстинктами и эгоистическими чувствами.

Въ этомъ смыслѣ особенно важно *первое* пораженіе, наносимое инстинктомъ или эгоизмомъ нравственному чувству. Послѣднее при этомъ какъ бы уподобляется плотинѣ, и вся система тормозящихъ представленій (не убій, не украдь и проч.) есть ничто иное, какъ цѣлая цѣпь воздвигнутыхъ въ нашемъ сознаніи плотинъ, или барьеровъ, долженствующихъ устоять противъ напора «страстей». Естественно, что разъ прорванная плотина уже болѣе не въ состояніи удерживать потокъ, вслѣдствіе чего убійство, грѣхопаденіе и тому подобныя преступленія или проступки обыкновенно роковымъ образомъ повторяются.

4. Вслѣдствіе взаимной связи между разными центрами, скопленіе путемъ упражненія силы или энергіи въ одномъ изъ нихъ неизмѣнно распространяется болѣе или менѣе и на другіе центры той же, а также и другой системы. Такимъ же образомъ и оскудѣніе энергіи отъ бездѣтельности и особенно отъ побѣды антагонистовъ въ одномъ центрѣ отражается въ томъ же смыслѣ и на другихъ цеп-

трахъ той же, а также и другой системы клѣтокъ. Вслѣдствіе такой солидарности между разными родственными функціями или клѣтками, въ душѣ чело-вѣка устанавливается какъ бы нѣкоторый *общій уровень любви* и тотъ или другой *общій уровень воздержанія*, а по совокупности обѣихъ системъ—одинъ *общій уровень нравственныхъ чувствъ* или *общій нравственный уровень*.

Однако отдѣльные центры въ то же время, по скрытому въ нихъ запасу упражненія или энергіи, сохраняютъ каждый и свое индивидуальное положеніе въ системѣ, т. е. они хотя и дѣлятся между собой энергіей, но не поровну; а потому и нравственный уровень, выражаясь графически, представляетъ не прямую, но ломанную подвижную линію, которая при всякомъ приливѣ силы или упражненія въ какой нибудь центрѣ той или другой системы поднимается по всей своей длинѣ вверхъ, а при отливѣ энергіи опускается вся внизъ. Другими словами, всякое *положительное упражненіе* (т. е. всякій актъ любви, начиная отъ любви къ родителямъ, и всякая побѣда нравственнаго чувства надъ противоположными побужденіями) повышаетъ уровень любви или уровень воздержанія, а также и общій нашъ нравственный уровень. Каждый такой поступокъ какъ бы равносильенъ вкладу въ нашу нравственную сокровищницу, которая отъ повторяющихся вкладовъ все болѣе богатѣетъ. Напротивъ, каждый случай торжества физическаго инстинкта или эгоизма, каждое поврежденіе плотины (см. выше) (которое можно также назвать *отрицательнымъ упражненіемъ* нравственнаго чувства), понижаетъ нашъ общій нравственный уровень, или раззоряетъ нашу сокровищницу любви и воздержанія. Такъ какъ оплотъ «не убій» у психически здоровыхъ людей едва ли не построенъ

крѣпче всѣхъ другихъ, то, съ одной стороны, для поврежденія его требуется наиболѣе сильный напоръ страстей, а съ другой—ломка этого тормазы со страшной силой распатываетъ и всѣ прочіе барьеры души, въ томъ числѣ и законъ любви.

Въ виду такой подвижности или податливости нашего нравственнаго уровня, къ нему вполне примѣнимо также названіе *нравственнаго тонуса* или нравственнаго настроенія, по аналогіи съ извѣстнымъ изъ психологіи и психіатріи чувственнымъ тонусомъ или чувственнымъ настроеніемъ (въ смыслѣ грусти, веселья и т. д.).

5. Наконецъ, для нашей цѣли очень важно пониманіе еще одного явленія психологіи, которое можно назвать *закономъ нравственнаго приспособленія*. Мы уже знаемъ, что чѣмъ крѣпче была преграда, снесенная или поврежденная натискомъ инстинктовъ, тѣмъ сильнѣе потрясеніе, получаемое при этомъ всѣмъ зданіемъ нашей нравственности, тѣмъ чувствительнѣе паденіе общаго уровня послѣдней. И наоборотъ: отъ нарушенія слабой преграды общее нравственное чувство терпитъ гораздо меньшій ущербъ. На этомъ основано приспособленіе нашего душевнаго механизма къ нѣкоторымъ отрицательнымъ явленіямъ жизни, приспособленіе, столь же важное и цѣлесообразное, какъ и то, которое систематически господствуетъ въ нашихъ растительныхъ отправленияхъ. Въ силу представленныхъ выше объясненій, всякое торжество зла, особенно возведенное въ систему и обычай, на примѣръ—въ видѣ войнъ, рабства, дуэли и т. д., должно бы дѣйствовать самымъ разрушительнымъ образомъ на наше общее нравственное чувство, сводить его, безпрестанно понижая его уровень, почти къ нулю и истощить такимъ образомъ всѣ общественные запасы альтруизма. На дѣлѣ однако

до этого большею частью же не доходить, такъ какъ насъ до *известной степени* выручаетъ нѣкоторая *иллюзія мысли*. Послѣдняя, опираясь частью на искреннія заблужденія, частью на такъ называемые соблазны ума (см. выше), пытается, рядомъ съ известнымъ нравственнымъ представленіемъ создать въ душѣ другое, парализующее первое по отношенію къ тому или иному случаю (напримѣръ, рядомъ съ «не убій» — «но убійство на войнѣ не грѣхъ, а, напротивъ, долгъ гражданина и солдата» и т. п.). Другими словами, стремясь уже предварительно разслабить или упразднить примѣнительно къ данному случаю известный нравственный барьеръ, наша мысль болѣе или менѣе предупреждаетъ и то погрѣшеніе его, которое неминуемо разслабило бы и всю систему тормозовъ и любви.

Однако, съ другой стороны, мы не должны забывать, что стереть окончательно въ нашей душѣ слѣды нравственныхъ представленій или, выражаясь образно, снести до основанія настроенные тамъ плотины или барьеры никакая мысль не въ состояніи (ибо эти представленія или чувства принадлежать къ обыденной физиологіи души). А слѣдовательно — и общеразвращающее дѣйствіе всякаго утвердившагося въ жизни зла совершенно неминуемо; оно можетъ быть тѣмъ или инымъ способомъ только ослаблено, но не вполне устранено.

VII. Примѣры, поясняющіе законъ нравственности и мнимыя исключенія изъ него.

Крѣпостное право въ нашемъ отечествѣ было жестокимъ погрѣшеніемъ со стороны эгоизма и властолю-

бія естественнаго чувства равенства всѣхъ людей, присущаго отъ рожденія каждому человѣку и особенно живо ощущаемаго каждымъ изъ насъ въ дѣтствѣ, пока оно еще не сглажено суровой школой жизни. Поэтому рабство нашего народа было губельно не только для кресьянъ, но и для всего общества, *поддерживая на низкомъ уровнѣ всю систему его алтруистическихъ чувствъ*. Любовь къ ближнему, состраданіе къ несчастнымъ, общественная благотворительность, любовь къ правдѣ и справедливости какъ въ личныхъ, такъ и въ гражданскихъ отношеніяхъ, правосудіе и прочее,—все это было придавлено, жалко, и все это, напротивъ, распустилось пышнымъ цвѣтомъ, какъ только эгоизмъ и жадность были монаршею волею призваны къ порядку, какъ только отрицательное упражненіе въ одной части нравственной системы уступило мѣсто нормальному положительному.

Семейный и чиновный деспотизмъ и многія другія язвы дореформенной Россіи были только заслуженной карой, вытекавшей изъ непреложныхъ законовъ психологіи, за то, что гдѣ-то въ деревнѣ относительно какихъ-то людей попирали ногами божественный законъ любви и правды.

Что крѣпостное право было также тѣсно связано съ половымъ развратомъ,—это слишкомъ хорошо извѣстно и зависѣло не отъ одной только возможности располагать женщинами. Оно шло также объ руку съ обжорствомъ и пьянствомъ, которыя, какъ и развратъ, были лишь выраженіемъ неразрывной связи, существующей между системой любви и системой воздержанія. Человѣкъ, нарушающій законъ любви относительно ближняго, не находитъ въ себѣ даже достаточно мужества, чтобы совладать со своими естественными инстинктами.

Впрочемъ, развращающее дѣйствіе крѣпостнаго права находило *нѣкоторый* отпоръ въ иллюзіи мысли и самовнушеніи, которое сводилось къ тому, что де «народъ—дитя, которое нуждается въ опекѣ», что «помѣщикъ для крестьянъ то же, что отецъ для дѣтей», что равенства на землѣ быть не можетъ», что «народъ—звѣрь, нуждающійся въ уздѣ» и въ другихъ распространенныхъ въ то время фразахъ. Еще сильнѣе должна была быть иллюзія въ древнемъ мірѣ, не знавшемъ еще свѣта христіанства», когда притомъ въ рабство часто обращали завоеванный и совершенно чуждый народъ. Тѣмъ не мѣнѣе развѣдающее дѣйствіе этого учрежденія на нравственныя основы общества засвидѣтельствовано исторіей.

Римскій императоръ Неронъ и другіе цезари, будучи въ душѣ почти атеистами, тѣмъ не менѣе подвергали жестокимъ преслѣдованіямъ христіанъ, хотя послѣдніе вовсе не занимались политикой и, казалось бы, были для правительства неопасны. Между прочимъ, преслѣдовались и вегетарианцы*). Причина этихъ на первый взглядъ странныхъ явленій кроется въ томъ, что нѣкоторые законы психологіи *угадываются* нами, т. е. доходятъ до нашего сознанія и помимо точнаго анализа мысли—только *чутъемъ*, особенно когда въ дѣло замѣшивается инстинктъ самосохраненія или, какъ говорилъ нашъ великій Щедринъ, «шкурный вопросъ». Для древняго деспота шкурный вопросъ сводился къ удержанію въ своихъ рукахъ власти, какъ источника безумныхъ наслажденій. И вотъ, при видѣ горсти безобидныхъ людей и подвижниковъ со дна преступной души, поднимается

*) Это видно изъ одного письма Сенеки къ его другу Люцініусу.

тревога, какъ бы *направленіе*, которому они слѣдуютъ, не вырвало власть изъ рукъ тирана. Это—настоящій, почти паническій страхъ передъ добродѣтелью, такъ какъ злой и дурной человѣкъ угадываетъ въ ней цѣлую *систему*, различные члены которой—ограниченіе плоти (половаго чувства и угожденія желудка), чувство правды какъ въ личныхъ, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ, любовь къ гражданской свободѣ и т. д. (см. выше)—связаны между собой неразрывно, другъ друга обуславливаютъ и, слѣдовательно, могутъ создать подъ ногами деспота враждебную ему почву.

Чрезвычайно поучительный примѣръ непониманія людьми закона добра даютъ намъ взаимныя отношенія между націями, большею частью носящія на себѣ печать ненависти. Такому вырожденію вполне законнаго и полезнаго чувства международнаго соревнованія (въ добрѣ), этого естественнаго нравственнаго инстинкта, принадлежащаго къ системѣ любви (о чемъ рѣчь была въ своемъ мѣстѣ), особенно содѣйствуютъ чуждая внѣшность и чуждый языкъ инородцевъ. Дѣло въ томъ, что любовь наша къ человѣку болѣе всего и легче всего распространяется на *намъ подобныхъ*; между тѣмъ сознаніе массы, невооруженное знаніемъ другихъ народовъ, не сразу и не легко угадываетъ подъ чуждой внѣшностью и непонятнымъ языкомъ тѣ же чувства и тѣ же мысли, которыя живутъ и въ пей самой. Къ этому присоединяются еще доводы ума—соблазнителя, чтобы заглушить протестъ нравственнаго чувства (любви къ человѣку), недопускающаго безпричинной ненависти къ ближнему («это—совсѣмъ не такіе люди, какъ мы; у нихъ не душа, а парь; они нехорошіе люди и менѣе насъ слѣдуютъ добрымъ началамъ жизни; они желаютъ намъ зла, а потому ненависть

къ нимъ есть долгъ патриотизма» и т. д.). Такимъ путемъ, ненависть между сосѣдними, особенно конкурирующими на экономическомъ поприщѣ народами укоренилась въ чувствахъ почти всѣхъ народовъ и являлась до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ важныхъ тормазовъ человѣческаго прогресса. Она не только подготовляетъ почву для войнъ, но и въ мирное время, согласно приведенной вышѣ схемѣ нравственно-психологическаго закона (пунктъ 4), самымъ чувствительнымъ образомъ понижаетъ весь нравственный уровень общества, хотя мнимые доводы ума, доставившіе побѣду злу, въ то же время также нѣсколько парализуютъ послѣднее (иллюзія мысли, пунктъ 5)*).

Если наши разсужденія кажутся читателю слишкомъ отвлеченными или недостаточно убѣдительными, то онъ навѣрно перемѣнилъ бы свое мнѣніе, вооружившись достаточнымъ запасомъ наблюденій въ области гражданскихъ отношеній. Очень часто въ этой сферѣ разыгрывается передъ нашимъ умственнымъ взоромъ цѣлая драма, правильная оцѣнка которой народными массами, вѣроятно, составила бы поворотный пунктъ въ исторіи человѣчества. Происходитъ вотъ что:

*) Другими словами, насколько человѣкъ искренно убѣдился софизмами или заблужденіями мысли, настолько онъ своей *мотивированной* ненавистью къ представителямъ извѣстной націи не насилуетъ своей совѣсти, слѣдовательно—не рискуетъ общимъ пониженіемъ своей нравственности, но пункту 4. Но и тутъ, какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, иллюзія никогда не бываетъ полная, такъ какъ и аргументы мысли «хремаютъ», да и нравственное чувство, хотя бы по отношенію къ данному случаю, не такъ легко даетъ себя стереть. Вотъ почему только немногіе люди соединяютъ ненависть къ инородцамъ съ болѣе или менѣе выдающеюся любовью къ близкимъ, къ отечеству, воздержаніемъ и т. д.; большинство-же «узко-національныхъ патриотовъ» и «шовинистовъ» стоятъ на низкомъ нравственномъ уровнѣ, который является какъ причиной, такъ и послѣдствіемъ воодушевляющей ихъ ненависти.

Положимъ, что въ какой нибудь древне-римской имперіи время Нерона на политическомъ горизонтѣ вдругъ выглянуло солнце свободы и правды, разогнало заволакивавшія его прежде тучи тирани и водворило сразу или постепенно правосудіе, упразднило рабство и т. д. Новый порядокъ вещей вызываетъ общіе восторги, но имѣетъ и тайныхъ враговъ, приверженцевъ прежней общественной неправды, съ которой были связаны ихъ матеріальные интересы и общественное положеніе. Они однако не смѣютъ прямо обрушиться на торжество правды и открыто выступить противъ знамени добра, такъ какъ народъ въ этомъ дѣлѣ никогда ихъ не поддержитъ. И вотъ, повинувшись политическому опыту, но особенно своему чутью, которое нерѣдко сразу поднимаетъ завѣсу съ законовъ психологіи, они выбираютъ совсѣмъ другой путь. Они начинаютъ, напри мѣръ, пропагандировать войну съ внѣшнимъ «врагомъ» или же муссируютъ задремавшую было ненависть или нерасположеніе народа къ «внутреннему врагу», (напри мѣръ, въ эпоху Нерона—къ первымъ христіанамъ), имѣя въ виду только одну цѣль: какъ бы добиться «отрицательнаго упражненія» хотя бы въ одномъ изъ звеньевъ системы добра, послѣ чего успѣхъ ихъ дѣла—пониженіе всего нравственнаго уровня общества и неизбежное тогда возвращеніе къ старымъ порядкамъ—будетъ обезпеченъ. Для этого они и выбираютъ наименѣе защищенное и наиболѣе слабое у народовъ мѣсто въ психической системѣ любви: отношеніе къ внѣшнимъ или внутреннимъ инородцамъ или иновѣрцамъ.

Такая политика, къ несчастью, до сихъ поръ почти всегда оправдывала «возлагавшіяся на нее надежды». Между прочимъ, она на нашихъ глазахъ сдѣлала свое дѣло и во Франціи. Еще много лѣтъ

назадъ партіи, враждебныя республикѣ, разожгли въ народѣ идею реванша (кровавой мести по отношенію къ нѣмцамъ), надѣясь черезъ нее пожать со временемъ обильныя лавры въ смыслѣ внутренней реакціи. И они не ошиблись: буланжизмъ и самыя свѣжія, недавнія событія довольно убѣдительно говорятъ намъ объ осязательномъ паденіи барометра гражданской добродѣтели, и это общее паденіе произошло отъ того, что въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ общество и подростяющее поколѣніе упражнялось въ злобѣ и жаждѣ крови по отношенію къ сосѣднему народу.

Полное подтвержденіе нашей схемы даетъ и китайская цивилизація, краеугольнымъ камнемъ которой является, какъ извѣстно, культъ предковъ или, другими словами, почитаніе родителей. Такимъ путемъ, при помощи непрерывнаго и форсированнаго упражненія одного и самаго перваго звена системы любви («люби отца своего и мать свою») достигается общее накопленіе любви и воздержанія (согласно пункту 4 схемы), что и составляетъ задачу каждой истинной культуры. Да и фактически отъ зоркаго глаза наблюдателя не можетъ ускользнуть, что, какъ ни велики въ Китаѣ политическій застои и размѣры злоупотребленій, семейная, гражданская и политическая жизнь народа тамъ все таки зиждется на прочномъ фундаментѣ его идеализма.

Что касается до системы тормозящихъ чувствъ, то, какъ уже замѣчено выше (пунктъ 3), на основаніи наблюденія, мы должны рисовать себѣ ихъ какъ рядъ плотинъ, удерживающихъ болѣе или менѣе сильный натискъ нашихъ желаній. Поэтому особенно важенъ первый прорывъ плотины, т. е. первый случай ея несостоятельности, послѣ котораго она оказывается какъ бы поврежденной и неспособной

больше исполнять свое назначеніе, такъ что мало по малу она совсѣмъ уносится потокомъ.

Такъ, напримѣръ, первое нарушеніе цѣломудрія или первая супружеская измѣна стоитъ всякой нравственно развитой женщинѣ немалой борьбы (въ которой побѣда можетъ легко остаться и на сторонѣ добродѣтели, если только плотина окажется достаточно крѣпкой); второе грѣхопаденіе достается ей уже гораздо легче, а въ послѣдствіи оно уже не будетъ встрѣчать никакого внутренняго препятствія—никакихъ «угрызений совѣсти». Тоже самое повторяется съ кражей, убійствомъ, ложью, опьяненіемъ, взяточничествомъ и т. д. Можно было бы даже сказать въ примѣненіи ко всѣмъ этимъ случаямъ: «Рубиконъ перейденъ и нѣтъ возврата», но это было бы не совсѣмъ вѣрно. Смытую потокомъ плотину можно построить вновь, и стертое въ мозгу нравственное представленіе также иногда восстанавливается въ прежнемъ видѣ, или даже приобретаетъ особую небывалую прежде мощь, но только при условіи сильной нравственной реакціи или нравственнаго возрожденія (кающаяся Магдалина). Къ сожалѣнію, однако, такой поворотъ дѣло принимаетъ преимущественно только у «глубокихъ натуръ», т. е. при значительномъ запасѣ любви и воздержанія, такъ что самое паденіе объясняется единственно огромной неудержимой силой натиска. Большинство же людей, совершивъ разъ проступокъ или преступленіе, попадаютъ на наклонную плоскость, по которой они скользятъ внизъ съ большей или меньшей быстротой.

Это—почти законъ психологіи, и потому нѣтъ никакого основанія въ каждомъ преступникѣ—рецидивистѣ искать непременно признаковъ какого то особаго, физическаго и врожденнаго типа, какъ это дѣлаютъ часто послѣдователи Ломброзо.

Но поврежденіе одной изъ плотинъ не только открываетъ широко двери извѣстному проступку или преступленію, — оно еще, согласно пункту 4 нашей схемы, распатываетъ и всю систему тормазовъ, ослабляя въ то же время и источникъ любви. Такъ, когда Фаустъ предлагаетъ Маргаритѣ подсыпать матери въ пищу какого нибудь усыпительнаго порошка, то добродѣтельная до сихъ поръ дѣвушка не приходитъ въ негодованіе и не отталкиваетъ отъ себя соблазнителя, какъ негодяя, единственно потому, что готовящееся въ ея душѣ торжество половаго чувства надъ соотвѣтственнымъ тормазомъ уже успѣло вызвать нравственное паденіе героини «по всей линіи» воздержанія и любви. Безспорно, что это паденіе подготавливаетъ и столь обычную въ такихъ случаяхъ кровавую расправу съ «плодомъ тайной любви». Поэтъ также не ошибся, поставивъ на сцену еще одно убійство (брата Маргариты), такъ какъ въ жизни легкое отношеніе къ извѣстной заповѣди очень часто и роковымъ образомъ идетъ бокъ-о-бокъ съ пролитіемъ крови, кражей, пьянствомъ, гражданской нечестностью и т. д. Когда любовникъ убиваетъ измѣнившую ему женщину, то причиной во многихъ случаяхъ является не столько пылкая страсть (т. е. сила искушенія), сколько слабое внутреннее противодѣйствіе эгоизму, который своимъ длительнымъ торжествомъ въ половой сферѣ заставилъ поблѣднѣть любовь и состраданіе къ ближнему. Самый крайній примѣръ *общаго* паденія представляютъ привычныя проститутки, которыя въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно очень злы и близкостоятъ къ уголовщинѣ *).

*) Многіе изъ интеллигентныхъ читателей при этихъ строкахъ, пожалуй, сомнительно покачиваютъ головами и жалѣютъ

Но оправданіе вышеупомянутаго правила выступаетъ особенно рельефно въ судьбѣ цѣлыхъ сосло-

объ «отсталости» нашихъ сужденій. Скептическое отношеніе къ браку, какъ къ установленію церкви, и мирволеніе «свободной любви» сдѣлались почти обязательнымъ пунктомъ гражданскаго кодекса убѣжденій большинства развитыхъ и либерально мыслящихъ людей. Между тѣмъ на дѣлѣ здѣсь, какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, мы только пожинаемъ горькіе плоды нашего неумѣнья разбираться въ собственныхъ мысляхъ и чувствахъ, нашей непривычки къ *правильному* мышленію и анализу. Если бы не это обстоятельство, то для насъ было бы ясно, что поводомъ для отрицательнаго отношенія къ брачнымъ узамъ (оставляя въ сторонѣ людей безнравственныхъ, руководимыхъ только инстинктомъ) является собственно не бракъ, какъ таковой, а та неправильная постановка семьи, которая зависитъ отъ дес. отизма мужей и рабства женщины, отъ безнравственныхъ поползновеній одного или обоихъ супруговъ, отъ неправильныхъ или ненормальныхъ условій заключенія брака (безъ взаимной любви и взаимнаго пониманія супруговъ) и т. д. Словомъ то общее зло, которое подрываетъ всѣ человѣческія отношенія, проникло и въ семью, поколебавъ наше уваженіе къ этому важному устою жизни. Равнымъ образомъ, намъ стоило бы только вдуматься въ это дѣло, особенно опираясь на столь популярную въ наше время фзіологію и на психологію, чтобы придти къ убѣжденію, что основныя положенія брака—единственная на всю жизнь половая связь и санкція общества въ видѣ торжественнаго заявленія объ ней—вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ науки и закона цѣлесообразности. Развратная жизнь уже въ силу грубо-фзіологическихъ и медицинскихъ соображеній низводитъ до минимума плодovitость женщинъ (а вѣроятно и способность мужчинъ къ оплодотворенію). Но что еще страшнѣе, она выдвигаетъ впередъ нашу животную натуру—наши физическіе инстинкты и грубый эгоизмъ—въ ущербъ нравственной любви и воздержанію; словомъ, она будитъ въ насъ животное и усыпляетъ человѣка, вызываетъ общее нравственное паденіе. Поэтому необходимо, чтобы каждый человѣкъ подчинялъ свою половую жизнь извѣстной нормѣ, вырабатываемой общественнымъ мнѣніемъ. Изъ такихъ нормъ—многомужества, многоженства и одноженства или христіанской нормы брака—по лѣдняя наиболѣе отвѣчаетъ нравственной натурѣ человѣка и условіямъ общаго блага. Къ этой нормѣ и приспособляется естественное чувство цѣломудрія или полового воздержанія. Нарушеніе ея доказываетъ, что человѣкъ вообще не держитъ въ рукахъ свой инстинктъ, являясь его рабомъ, а не господиномъ; а такой человѣкъ ненадеженъ не только въ смыслѣ супружеской вѣрности (ибо первый шагъ или

вій, общество или націй. Въ этой области едва ли исторія въ состояніи привести хотя бы одинъ примѣръ, гдѣ бы, положимъ, половая распущенность не шла рука объ руку съ чудовищнымъ обжорствомъ, пьянствомъ, убійствомъ, вообще съ обще-нравственной и гражданской развращенностью. Тѣ, которые съ неудержимой силой бросаются на путь наслажденій, отвергая всякое воздержаніе, обыкновенно не знаютъ другого закона жизни, кромѣ своего эгоизма; а потому они безумно идутъ къ своей цѣли черезъ кровопролитіа, предательство, политическія насилія и т. п.

Исторія давно засвидѣтельствовала, что разложеніе семьи—это первое фатальное послѣдствіе полового разврата—всегда служило началомъ разложенія всего общества, которое скрѣпляется главнымъ образомъ любовью и воздержаніемъ своихъ членовъ.

первый прорывъ плотины, согласно пункту 3 нашей схемы, всего важнѣе), но и въ обще-нравственномъ и въ гражданскомъ отношеніи (пунктъ 5). Дѣвушка, которая до замужества «согрѣшила» хоть разъ, справедливо внушаетъ къ себѣ недовѣріе и какъ женщина, и какъ будущая мать, ибо въ матери особенно цѣнятся нравственная выдержка, отсутствіе эгоизма и погони за наслажденіями, самоотверженность и т. д. Если въ женщинѣ самка преобладаетъ надъ человѣкомъ, то она не только не сумѣетъ воспитать „хорошихъ“ людей, т. е. должнымъ образомъ развить въ своихъ дѣтяхъ любовь къ ближнему и воздержаніе, но она не сумѣетъ даже спасти ихъ отъ когтей смерти въ томъ возрастѣ, когда юный и слабый организмъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ опасности. Что же касается до *предварительной* огласки передъ обществомъ начинающейся связи (въ видѣ торжественнаго акта вѣнчанія), то, помимо ея важности въ смыслѣ обязанностей супруговъ другъ передъ другомъ и передъ обществомъ, она то и служитъ *пробой* половой выдержки или необходимой гранью, отдѣляющей воздержаніе отъ невоздержанія. Наконецъ, даже религіозная обстановка вступленія въ бракъ и обращеніе къ Творцу имѣютъ своей разумной цѣлью выдвинуть въ сознаніи молодыхъ супруговъ тѣ предстоящія имъ высокія нравственныя задачи, которыя простой физической инстинктъ возводитъ на степень выдающейся соціально-нравственной миссіи.

Въ современной Франціи упадокъ политическихъ нравовъ подготовленъ въ значительной степени сильно распространеною половой распущенностью) гражданъ (Жюль Симонъ).

Развращенныя женщины, жаждущія плотскихъ наслажденій, почти никогда не бываютъ хорошими матерями (отъ которыхъ требуются любовь, воздержаніе, самоотверженность) и лишь рѣдко отличаются гражданской добродѣтелью. Половая распущенность мужчинъ также растлѣваетъ ихъ душу и отражается самымъ губительнымъ образомъ на гражданской и политической жизни общества, такъ какъ насиліе надъ однимъ изъ самыхъ громкихъ запретовъ совѣсти является роковой школой для дальнѣйшихъ сдѣлокъ съ ней на различныхъ поприщахъ общественной дѣятельности. Эта истина ясно сознается споконъ вѣка многими народами; но европейскіе образованные классы, сбитые съ толку языческой волной эллинизма, хлынувшей къ намъ еще въ средніе вѣка, вмѣстѣ съ такъ называемымъ возрожденіемъ наукъ и искусствъ, повидимому перестали ее вполне понимать. Подкупленные физическимъ инстинктомъ, мы стараемся заглушить внутренній протестъ разными аргументами и въ особенности наглядными примѣрами людей, которымъ богатая «романами» жизнь не мѣшала будто быть добрыми, честными и т. д. Притомъ у всѣхъ на виду имена поэтовъ, писателей, художниковъ, министровъ, которымъ безнравственная жизнь не мѣшала дарить человечество продуктами своего генія или расточать народу благодѣянія законодательной мудрости. Однако здѣсь кроется недоразумѣніе.

Когда я говорю: «Иванъ былъ глухъ на одно ухо, да и Павелъ тоже, между тѣмъ оба были порядочными музыкантами; слѣдовательно, занятіе му-

зыкай вовсе не требует хорошаго слуха», — то въ основѣ ложнаго вывода лежитъ, просто, неправильное примѣненіе статистичекаго метода, позволяющаго дѣлать заключенія, какъ *conditio sine qua non*, только на основаніи *большинств* чисель; другими словами, выводъ нашъ былъ бы правиленъ, если бы только *большинство* музыкантовъ имѣло неудовлетворительный слухъ. Въ нашихъ сужденіяхъ о выдающихся людяхъ, которые подвиги любви къ ближнему (самопожертвованіе, гражданское мужество, обширную благотворительность и т. п.) соединяли съ систематическимъ нарушеніемъ извѣстной заповѣди («не прелюбодѣйствуй»), мы грѣшимъ той же ошибкой. Мы вовсе не думаемъ объ отношеніи числа этихъ лицъ къ числу такихъ же людей, ничѣмъ не запятнавшихъ свою частную жизнь; но примѣры первыхъ врѣзываются въ нашу память, какъ поражающее насъ исключеніе изъ того развиваемаго здѣсь общаго закона нравственности, который крупными литерами вырѣзанъ на фонѣ нашей души, хотя только немногими изъ насъ сознается въ полномъ его объемѣ.

Такъ какъ умъ-соблазнитель, пытаясь въ интересахъ нашихъ желаній подорвать наше довѣріе къ основамъ нравственности, часто ссылается на вышеупомянутыя исключенія, то небезполезно взглянуть и на нихъ при свѣтѣ анализа и убѣдиться, дѣйствительно ли эти факты говорятъ противъ взаимной связи между разными положеніями морали (или между разными членами нашей системы общаго нравственнаго уровня)*). Тутъ прежде всего изъ интересующаго насъ контингента лицъ мы должны вычеркнуть представителей чистой мысли и такъ называемаго

*) Ниже читатель пойметъ, почему мы, съ точки зрѣнія нравственнаго оправданія вегетарианства, такъ подробно останавливаемся на нѣкоторыхъ законахъ психологіи.

искусства. Ученые, техники, служители Мельпомены и тому подобные люди своими талантами совсѣмъ или почти не принадлежатъ къ области добра и любви. Совсѣмъ иное дѣло общественные дѣятели, почти не покидающіе почвы нравственныхъ вопросовъ. Когда такіе люди творять одной рукой добро, а другой — зло, когда, на примѣръ, на общественной аренѣ они руководятся благомъ ближняго, а въ своей частной жизни отдаются безъ удержа половому влеченію, то, съ точки зрѣнія нашей схемы, такіе, правда, исключительные, но все же очень яркіе факты заслуживаютъ полнаго вниманія.

Прежде всего, тутъ замѣшанъ тотъ законъ нравственнаго приспособленія или заблужденія мысли (пунктъ 5 схемы), о которомъ мы уже говорили по поводу рабства или крѣпостничества и который усложняетъ дѣйствіе почти каждаго нравственнаго правила. Между прочимъ, онъ даетъ намъ ключъ къ объясненію, такъ сказать, привилегіи разврата, которую присвоилъ себѣ мужчина передъ женщиной. Сдѣлавшись въ эпоху господства матеріальной силы и физическихъ инстинктовъ повелителемъ женщины, мужчина очутился лицомъ къ лицу передъ соблазномъ и, поддержанный мнимыми доводами ума, поддался инстинкту. И вотъ (согласно пункту 5 нашей схемы), рядомъ съ представленіемъ, исчерпываемымъ извѣстной общей для обоого пола заповѣдью, сложилось въ нашей душѣ и другое, противоположное, опирающееся на цѣлый рядъ аргументовъ: «мы, мужчины, иначе созданы, чѣмъ женщины, и то, что важно для нихъ, для насъ необязательно; главной пробой нашей нравственной состоятельности является не наше половое воздержаніе, какъ у женщинъ, а наши качества на общественной, государственной службѣ и на аренѣ обычныхъ граждан-

скихъ отношеній; женское грѣхопаденіе даетъ непосредственно нежелательные «результаты», наше же проходить безслѣдно (?)» и т. д. Это новое представленіе хотя не вытѣснило вполнѣ перваго и основнаго, но *до известной степени* упразднило его; вслѣдствіе этого грѣховныя поползновенія холостыхъ и женатыхъ мужчинъ, не наталкиваясь вовсе или, вѣрнѣе, наталкиваясь лишь на относительно слабый, нравственный барьеръ, который они легко преодолеваютъ, по этой причинѣ и не причиняютъ всей системѣ нравственныхъ плотинъ того сильнаго потрясенія, которое неминуемо въ душѣ женщины и которое, сообщаясь также системѣ любви (пунктъ 4), вызываетъ ощутительное движеніе внизъ всего нравственнаго барометра. Вотъ почему обыкновенная женщина, споткнувшись на пути полового влеченія, дѣйствительно «падаетъ», т. е. падаетъ по всей линіи своего нравственнаго уровня, между тѣмъ какъ мужчина еще сохраняетъ въ сокровищницѣ души извѣстный запасъ не только любви, но и воздержанія (по отношенію къ другимъ пунктамъ нравственности).

Эти разсужденія также объясняютъ намъ, почему и для очень малочисленнаго еще класса современныхъ женщинъ, предающихся мужскимъ профессіямъ, особенно же для писательницъ и художницъ, человѣческая совѣсть и общественное мнѣніе также допускаютъ если не ту же самую незавидную «привилегію», которой пользуются мужчины, то, по крайней мѣрѣ, нѣчто въ этомъ родѣ. Напримѣръ, женщина врачъ можетъ облегчать себѣ грѣхъ, разсуждая, подобно мужчинамъ, что она свое нравственное чувство помѣщаетъ въ великомъ дѣлѣ служенія страждущему человѣчеству и что поэтому цѣломудріе и супружеская вѣрность не составляютъ для нея,

какъ и для другихъ женщинъ, центръ тяжести всей ея нравственности.

Кромѣ того, писательницы, поэтессы или женщины-правительницы имѣютъ возможность обманывать свою совѣсть еще другими ухищреніями умасоблазнителя, которыми нерѣдко пользуются въ ихъ положеніи и рангѣ, какъ *сугубой* привиллегіей, мужчины. Конечно, главная причина развращенности этихъ лицъ обоюго пола лежитъ въ искушеніи, которое проистекаетъ изъ ихъ нравственной или матеріальной власти надъ обществомъ *). Но побѣдѣ физическаго инстинкта предшествуетъ самовнушеніе мысли, которое подготавливаетъ эту побѣду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наполовину предотвращаетъ послѣдствія отъ нея для общей нравственности («генію дозволено то, что возбраняется простымъ смертнымъ; геній направляетъ всю свою энергію, какъ умственную, такъ и нравственную, въ сторону своего высшаго назначенія» и т. п.).

Вторая причина мнимыхъ отступленій отъ общихъ законовъ нравственности лежитъ въ индивидуальныхъ анатомофизиологическихъ колебаніяхъ нравственныхъ центровъ, т. е. центровъ всѣхъ нравственныхъ чувствъ. Мы уже говорили (пунктъ 4), что взаимная связь и солидарность этихъ клѣтокъ, такъ сказать, не обезличиваетъ ихъ, не лишаетъ каждую изъ нихъ своей индивидуальной фізіономіи. Поэтому у одного человѣка можетъ преобладать по напряженности функціи одна клѣтка, у другого—другая (такъ что отъ соединенія верхушекъ линій, выражающихъ графически эти функціи, получается

*) Впрочемъ, рядомъ съ этимъ мотивомъ, и нисколько его не устраняя, у гениальныхъ людей можетъ играть болѣе или менѣе важную роль и невропатичность, которая, къ сожалѣнію, очень нерѣдко сопутствуетъ таланту.

ломанная линия, притомъ неодинаковая у разныхъ людей). Такъ, представимъ себѣ для примѣра, что у кого нибудь отъ природы или отъ упражненія центры (или клѣтки) нравственной любви преобладаютъ надъ центрами воздержанія: это будетъ, слѣдовательно, человѣкъ съ добрымъ, любящимъ сердцемъ, но мало воздержный. Допустимъ, что его добрыя дѣла, т. е. положительное упражненіе одной части нравственныхъ центровъ, будутъ (согласно пункту 4) повышать *весь* его нравственный уровень (всю ломанную линію), слѣдовательно—благоотворно дѣйствовать и на его чувство воздержанія. Но такъ какъ послѣднее и послѣ прибыли остается вообще относительно на низкой ступени развитія, а богатый запасъ сердечной доброты и послѣ убыли, причиненной невоздержаніемъ, все еще сохранился, то при неточности нашихъ методовъ наблюденія, прибыль и убыль ускользаютъ отъ нашего вниманія, а контрастъ между добротою человѣка и его невоздержанностью будетъ по прежнему бросаться въ глаза.

Если функціональная отсталость распространяется не на всѣ центры воздержанія, но лишь на тѣ изъ нихъ, которые задерживаютъ половое влеченіе, то мнимое исключеніе изъ нашего закона готово: такой человѣкъ или такіе люди будутъ казаться убѣдительнымъ доказательствомъ отсутствія якобы связи между общей и половой нравственностью *), хотя на самомъ дѣлѣ его безнравственный образъ жизни умаляетъ и его богатые запасы любви.

Мы сравнивали сейчасъ систему любви съ системой воздержанія. Но такъ какъ и разновидностямъ нравственной любви отвѣчаютъ различныя психиче-

*) Идея эта очень симпатична многимъ изъ насъ, боящимся собственнаго осужденія.

скіе центры, изъ которыхъ одни въ функціональномъ отношеніи могутъ преобладать надъ другими—хотябы вслѣдствіе чрезмѣрнаго упражненія первыхъ и слабаго упражненія послѣднихъ—то и это является источникомъ мнимыхъ противорѣчій съ основнымъ закономъ нравственности. Напримѣръ, очень нерѣдко у людей семейныя добродѣтели берутъ перъвъсь надъ гражданскими, вслѣдствіе недостаточнаго упражненія послѣднихъ, такъ что идеальный, самоотверженный отецъ является плохимъ гражданиномъ, который не останавливается иногда передъ взяткой, подкупомъ, измѣной и т. д. Это большею частью стоитъ въ связи съ подавленіемъ общественной и гражданской жизни общества и есть заурядное явленіе на востокѣ; поэтому и мѣстнымъ правителямъ религіозное благочестіе и культъ добродѣтели въ бытовыхъ отношеніяхъ подчасъ не мѣшаетъ, къ несчастію, быть настоящими головорѣзами и разбойниками на аренѣ политической борьбы. Напротивъ, среди образованныхъ людей нѣкоторыхъ странъ, пользующихся политической свободой, мы встрѣчаемся нерѣдко съ обратнымъ явленіемъ: достойные граждане иногда оставляютъ многого желать въ отношеніи ихъ семейныхъ добродѣтелей и половой нравственности.

Однако, всѣ перечисленныя нами исключенія отнюдь не подрываютъ правила. Какъ бы ни захирѣли, напримѣръ, отъ неупражненія центры гражданскихъ добродѣтелей, всетаки прибыль энергіи въ сосѣднихъ клѣточкахъ, источникахъ семейной любви, распространится нѣкоторой своей долей и на первые; только это не выведетъ ихъ изъ состоянія вѣковой дремоты, т. е. относительной бездѣятельности, обусловленной строемъ всей жизни, и на практикѣ не будетъ очень замѣтно. Такъ, чѣмъ больше

нѣжности какой нибудь восточный властелинъ обнаруживаетъ по отношенію къ своимъ дѣтямъ, тѣмъ больше можно надѣяться и на нѣкоторое *относительное* смягченіе его политической жестокости. Что это именно такъ, доказывается какъ психологическимъ анализомъ и самоуглубленіемъ, причѣмъ каждый изъ насъ непосредственно воспринимаетъ своими чувствами эту связь и взаимную солидарность различныхъ сторонъ любви и нравственности, такъ и множествомъ отдѣльныхъ и въ особенности массовыхъ примѣровъ. Равнымъ образомъ и тѣ кажущіяся исключенія изъ правила, которыя вызваны иллюзіей мысли, т. е. закономъ нравственнаго приспособленія, только подтверждаютъ правило, такъ какъ и мужчинъ и женщинъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ ихъ иллюзіи и самообманъ не спасаютъ отъ неизбѣжнаго *общаго* нравственнаго паденія, а только нѣсколько его задерживаютъ и дѣлаютъ менѣе рѣзкимъ.

Теперь, дорогой читатель, увидѣвъ въ настоящемъ свѣтѣ законъ любви и воздержанія, разобравъ для примѣра нѣкоторые виды послѣдняго, мы съумѣемъ правильно оцѣнить и нарушеніе другого, притомъ самаго главнаго правила воздержанія, которое, можно сказать, огненными буквами вырѣзано на фонѣ нашей души и сознанія.

Это правило есть:

VII. „Н е у б і й“!

Ужась передъ убійствомъ едва ли не самое сильное изъ нашихъ нравственныхъ чувствъ, и представленіе «не убій» — едва ли не самый крѣпкій изъ

оплотовъ всей системы воздержанія. Поэтому мотивомъ убійства у нормальнаго человѣка являются только самыя сильныя искушенія или бушующія страсти; а съ другой стороны—страшнымъ напоромъ не только ломается оплотъ, но послѣдній увлекаетъ съ собой и другіе, сосѣдніе тормазы, съ которыми первый составляетъ одну общую систему. Вслѣдствіе такой колоссальной траты запасовъ нравственной энергіи, наступаетъ общее нравственное банкротство или истощеніе, человѣкъ лишается своей нравственной фізіономіи, приближается къ звѣрю; общество отъ него отрекается и предаетъ его казни, либо, изгнавъ изъ своей среды, подвергаетъ его на долгіе годы суровой школѣ тяжкаго труда и дисциплины, дабы, путемъ новаго усерднаго упражненія, мало по малу возстановить дѣятельность задерживающихъ центровъ и центровъ любви.

Все, что мы говорили въ предшествующей главѣ о послѣдствіяхъ насильственнаго поврежденія нравственныхъ тормазовъ и о мнимыхъ исключеніяхъ изъ общаго правила, не только всецѣло относится къ заповѣди «не убій», но выступаетъ тутъ еще съ особенной рельефностью.

Прежде всего убійца страшень тѣмъ, что, сломавъ въ своей душѣ самую крѣпкую преграду, которая должна быть неприкосновенна, какъ святыня, онъ очутился на широкой, гладкой, безпрепятственной дорогѣ, ведущей къ дальнѣйшимъ убійствамъ. Поэтому повтореніе преступленія здѣсь принадлежитъ къ зауряднымъ явленіямъ. Далѣе, что убійство открываетъ дверь и другимъ преступленіямъ, едва ли нужно еще здѣсь подробно доказывать. Воровство и половая распущенность для человѣка, который не задумался для достиженія своей цѣли перешагнуть черезъ трупъ, почти безцѣлица; а о любви къ ближ-

нему, правдивости, долгъ гражданина и т. д. здѣсь едва ли нужно еще говорить.

Мы нарисовали картину настоящаго отвратительнаго убійцы, на примѣръ, убійцы-грабителя. Само собой разумѣется, что наши разсужденія вовсе непримѣнимы къ *нечаяннымъ* убійствамъ и только съ большими ограниченіями къ убійствамъ въ состояніи *запальчивости* или душевнаго аффекта. Впрочемъ, послѣдняго рода кровавыя расправы представляютъ всетаки нравственное паденіе и не заслуживаютъ излишняго снисхожденія, которое ему нерѣдко оказываютъ въ нашемъ обществѣ, такъ какъ сознаніе и функція тормозящаго аппарата мозга у людей добрыхъ и нравственно развитыхъ хотя и подавлены во время аффекта, но далеко не сведены къ нулю, и такіе люди, какъ бы они въ конкретномъ случаѣ ни забылись, или какъ бы ни были оскорблены, почти никогда не хватаются за ножъ или револьверъ. Быть можетъ также, что и для нѣкоторыхъ другихъ категорій слѣдовало бы менѣе сгустить краски. Однако всякому, у кого есть немного психологіи, положительно трудно себѣ представить обыкновеннаго, *дѣйствознашаго* обдуманно убійцу въ роли очень нѣжнаго отца, самоотверженнаго товарища и т. д. Фактъ тотъ, что убійство почти всегда производитъ страшное опустошеніе сокровищницы нравственности и любви, только у одного большее, у другого меньшее. Зависитъ это, между прочимъ, какъ и при нарушеніи завѣта половой нравственности или другихъ основъ морали, главнымъ образомъ отъ двухъ уже знакомыхъ читателю причинъ: отъ индивидуальныхъ колебаній нравственнаго представленія «не убій» и отъ закона нравственнаго приспособленія или иллюзіи мысли.

Что касается первой причины, то едва-ли предѣлы колебанія у разныхъ лицъ могутъ быть особенно значительны. По крайней мѣрѣ, человѣкъ, которому ничего не стоитъ убить ближняго, вслѣдствіе блѣдности соотвѣтственнаго задерживающаго представленія, стоитъ уже на порогѣ слабоумія и долженъ разсматриваться, какъ душевно-больной. Но и въ границахъ нормальной психологіи можно себѣ легко представлять, что, на почвѣ врожденныхъ свойствъ или же въ силу большаго или меньшаго упражненія, одинъ питаетъ къ убійству самое непреодолимое отвращеніе, другой же — не столь сильное, одинъ при видѣ человѣческой крови содрогается всѣмъ тѣломъ, другой же переноситъ это зрѣлище болѣе спокойно. У дикихъ народовъ безъ настоящей нравственной культуры всѣ нравственныя представленія, въ томъ числѣ и интересующее насъ, не имѣютъ такихъ глубокихъ слѣдовъ въ психическомъ органѣ, какъ у передовыхъ націй; поэтому убійство тамъ не вызываетъ особенно сильной реакціи общественнаго мнѣнія (т. е. протеста нравственнаго чувства), и на убійцъ не сыплются общія проклятія, какъ, на примѣръ, въ Швейцаріи или въ Сѣверной Америкѣ *).

Что большая или меньшая напряженность какого нибудь нравственнаго представленія, въ данномъ случаѣ представленія о гнусности убійства, можетъ быть чертой врожденной и наслѣдственной, — на эту

*) Въ Швейцаріи или Сѣверной Америкѣ толпа иногда окружаетъ тюрьму и требуетъ смерти какого нибудь тяжкаго, обогрѣннаго кровью преступника, изъ опасенія, чтобы онъ не ускользнулъ отъ руки правосудія. Напротивъ, дикіе народы нерѣдко ограничиваютъ наказаніе убійцы штрафомъ. Такое неодинаковое отношеніе къ дѣлу зависитъ не отъ жестокости первыхъ и не отъ милосердія послѣднихъ, а какъ разъ отъ обратныхъ причинъ. У насъ, повидимому, не всѣ понимаютъ это явленіе.

мысль невольно наводитъ одинъ очень поучительный фактъ изъ жизни современныхъ, даже культурныхъ націй. Мы намекаемъ здѣсь на извѣстную «кровожадность», т. е. склонность къ убійству, народовъ романской расы, какъ-бы унаслѣдованную ими отъ римлянъ. Особенно эта прискорбная популярность кровопролитія бросается въ глаза въ жизни испанцевъ и испанско-американскихъ республикъ; но и французы, а отчасти и итальянцы (въ жилахъ которыхъ часто течетъ смѣшанная кровь), не свободны отъ этого упрека. Вслѣдствіе этого, между названными націями чаще, чѣмъ между другими, вѣроятно, встрѣчаются субъекты, являющіе собой какъ бы нѣкоторое исключеніе изъ правила, соединяя съ грѣхомъ убійства еще порядочный запасъ добродѣтели. Поясимъ это еще примѣромъ. У нѣкоторыхъ индусскихъ племенъ, слѣдующихъ гуманному ученію буддизма, нравственное представленіе «не убій», такъ сказать, сидитъ въ мозгу глубже и шире, чѣмъ у насъ, такъ что даже убійство коровы требуетъ извѣстнаго насилія надъ своими чувствами и угрожаетъ нравственности человѣка (пунктъ 4); напротивъ, представители мясояденія убиваютъ животныхъ съ гораздо меньшимъ ущербомъ для своей нравственности. Тѣмъ не менѣе, конечно, индуссамъ не въ чемъ намъ завидовать, такъ какъ общественная санкція умерщвленія животныхъ, выгораживая совѣсть каждаго отдѣльнаго лица, производитъ за то *общее* пониженіе нравственности всего населенія.

По той же причинѣ и «преимущество» романскихъ народовъ передъ англосаксонской или славянской вѣтвью довольно безотраднато свойства. Правда, быть можетъ, тамъ *нѣкоторые* убійцы менѣе отвратительны, чѣмъ, у насъ; но за то попу-

лярность ножа и револьвера дѣйствуетъ, какъ ядъ, на лучшія человѣческія чувства, связана съ обаяніемъ передъ физической силой и, гарантируя всегда послѣдней симпатіи общества, подготавливаетъ ея торжество надъ правдой и свободой. Поэтому разные «бравые генералы» тамъ всегда находятъ благопріятную почву для всякихъ пронунціаменто, зная, что достаточно только имѣть успѣхъ, хотя бы купленный цѣной кровопролитія и преступленія, чтобы привлечь на сторону государственнаго переворота и народъ, и общество. На этомъ безспорно были основаны и расчеты Наполеона III, когда онъ задумывалъ свой *coup d'état*. Отсюда также у этихъ народовъ непрерывныя революціи и непоощадность къ политическимъ противникамъ, которыхъ съ легкимъ сердцемъ посылаютъ на эшафотъ. При такомъ настроеніи чувствъ, обыкновенно идущемъ рука объ руку съ чрезмѣрнымъ обаяніемъ передъ физической силой, международная политика націи неминуемо носитъ на себѣ печать воинственности, а война, въ свою очередь, какъ мы сейчасъ увидимъ, есть самый страшный бичъ для нравственнаго міровозрѣнія народа.

Совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ народной совѣсти стоитъ у испанцевъ пресловутый *бой быковъ*: это въ высшей степени національное, страстно любимое зрѣлище столько же вытекаетъ изъ культа физической силы, какъ его краснорѣчивѣйшее выраженіе, сколько и упрочиваетъ этотъ культъ, нанося чувствительный ущербъ нравственному настроенію народныхъ массъ. Получается, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, заколдованный кругъ, въ которомъ послѣдствіе усиливаетъ причину и изъ котораго нелегко выбраться. Физическіе инстинкты, въ качествѣ первобытныхъ

основныхъ свойствъ животной природы, согласно учению дарвинизма, имѣютъ больше шансовъ передаваться по наслѣдству, чѣмъ позднѣе выступившія на сцену эволюціи животныхъ нравственныя чувства. Поэтому можно не безъ нѣкотораго основанія предположить, что причиной склонности романскихъ народовъ къ кровопролитію является не наслѣдственная блѣдность представленія «не убій», а полученная отъ предковъ чрезмѣрная напряженность одного изъ нашихъ коренныхъ физическихъ инстинктовъ—бессознательнаго обаянія передъ физической силой, которое и дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на названное нравственное представленіе. Какъ бы то ни было, результаты торжества физического или ослабленія одного изъ нравственныхъ чувствъ у насъ на лицо. Это будетъ, согласно развиваемому нами закону, *общее* пониженіе нравственнаго тонуса или нравственнаго уровня этихъ народовъ, такъ что въ настоящее время даже поговариваютъ о надвигающейся гибели романскихъ культуръ, которыя, быть можетъ, ожидаетъ участь ихъ предшественницы и родоначальницы—древнеримской цивилизаціи. Уже неудача, которую еще въ средніе вѣка потерпѣла въ этихъ странахъ религіозная реформа, была зловѣщей примѣтой. И, дѣйствительно, вникая въ народную психологію и присматриваясь къ нравамъ населенія, наталкиваешься чаще на громкія или красивыя слова, чѣмъ на то реальное, здоровое нравственное чувство, которое занимаетъ столь видное мѣсто въ міровоззрѣніи другихъ передовыхъ націй (американцевъ, англичанъ, шведовъ, нѣмцевъ и др.); а потому и въ политикѣ партій эгоизмъ и интриги получаютъ слишкомъ часто перевѣсъ надъ долгомъ гражданина и истинной любовью къ отечеству.

Во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ гораздо

ярче выступаетъ прямое оправданіе нашего закона (объ убыли всей нравственности человѣка подѣ влияніемъ «отрицательнаго упражненія» или нарушенія одного изъ ея положеній), чѣмъ кажущееся отступленіе отъ него. Напротивъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ мы встрѣчаемся со второй изъ названныхъ выше причинъ—съ заблужденіями или иллюзіями мысли, мнимыя исключенія изъ нашего закона встаютъ передъ нами въ болѣе или менѣе убѣдительной формѣ, и только анализъ открываетъ намъ глаза на роковыя послѣдствія нарушенія священнаго завѣта любви.

Нарушенія эти происходятъ не столько отъ слабости и несостоятельности самой любви, сколько отъ парализующихъ ее идей или представленій, которыя и расчищаютъ путь для зла. Такъ, *родовая мечь* у первобытныхъ народовъ преисполняетъ даже относительно хорошихъ людей жажды крови. Европейскіе народы также сохранили до сихъ поръ обычай кроваваго поединка (*дуэль*), возвращающій насъ къ отдаленной мрачной эпохѣ господства въ жизни физической силы. Даже люди съ добрымъ сердцемъ берутся иногда за оружіе, чтобы «смыть оскорбленіе кровью». Они такъ убѣждены въ правильности и «благородствѣ» такого поступка, что мысль о простомъ убійствѣ со всѣми ужасами и деталями этого преступленія имъ и въ голову не приходитъ. Къ тому же, такое представленіе о дѣлѣ, осуждающее на безсиліе одно изъ самыхъ крѣпкихъ нашихъ тормозящихъ чувствъ («не убій»), одобряется и поощряется общественнымъ мнѣніемъ, которое дуэлянта окружаетъ почти славой героя.

При такихъ условіяхъ убійство въ нѣкоторыхъ случаяхъ, *какъ будто*, дѣйствительно не вноситъ въ душу человѣка растлвнія. По крайней мѣрѣ, всѣмъ

намъ кажется, что «благородный» человѣкъ, убившій такимъ «благороднымъ» образомъ другого человѣка, не имѣеть ничего общаго съ простымъ убійцей, не угрожаетъ намъ, «рецидивомъ» (вслѣдствіе снесенной потокомъ плотины) и т. д. Однако здѣсь просто кроется ошибка нашего сознанія, легко опредѣляющаго только то, что рѣзко выдается, что сразу поражаетъ наши чувства, не требуя ни особеннаго наблюденія, ни размышленія. Ибо, какъ ни велика иллюзія, и здѣсь ей едва ли удастся вполне сгладить въ мозгу представленіе «не убій»; извѣстное насиліе надъ послѣднимъ, а слѣдовательно — и надъ всей нравственностью, согласно пункту 5 нашей схемы, все таки неизбѣжно. Конечно, первое пониженіе нравственнаго тонуса, первое охлажденіе къ ближнему послѣ дуэли съ убійствомъ можетъ легко ускользнуть отъ вниманія окружающихъ; оно скорѣе достигнетъ *собственного* сознанія человѣка, обладающаго извѣстной чуткостью и способностью къ самонаблюденію. При повтореніи же проступка, уже вырабатывается извѣстный *злой* типъ «дуэлянта» или «забіяки», котораго всѣ боятся и которому уже ничего не стоитъ (благо онъ самъ мѣтко стрѣляетъ) изъ-за пустяка кого угодно «потащить къ барьеру».

Въ случаѣ дуэли иллюзія относительно позволительности убійства до того пустила корни, что паденіе *общаго* нравственнаго барометра человѣка, дѣйствительно, не кидается въ глаза, хотя оно и неминуемо. Буквально тоже самое слѣдуетъ сказать и о *политическихъ убійствахъ*, для которыхъ философское недомысліе людей также создало особую теорію, совершенно выгораживающую ихъ изъ общей категоріи убійствъ. Но, по счастью, въ этомъ случаѣ, при малодоступности личнаго мѣрила нравственности, къ нашимъ услугамъ является обще-

ственный масштабъ, на которомъ, послѣ каждаго политическаго убійства, очень рельефно отмѣчается скачекъ внизъ общаго нравственно-гражданскаго настроенія. Вѣра въ добро и въ общественный прогрессъ послѣ каждаго такого злодѣянія замѣтно блѣднѣетъ въ обществѣ, и послѣднее на время какъ бы поворачивается спиной къ своимъ недавнимъ идеаламъ. Это носитъ названіе «политической реакціи», которая обыкновенно овладѣваетъ не только потерпѣвшей стороной, но и почти всѣмъ обществомъ.

Психологія этого процесса въ высшей степени поучительна. Требованіе политическихъ реформъ, когда такое теченіе дѣйствительно появляется въ общественной жизни, всегда указываетъ на подъемъ альтруистическихъ чувствъ, на воспрянувшую вѣру въ человѣка и въ добрыя начала жизни, вообще на поднявшійся въ обществѣ уровень любви. И вдругъ — убійство, да еще главы государства, одно изъ самыхъ *злыхъ* дѣлъ, на которыя человѣкъ способенъ... Происходитъ сразу сильный отливъ общественной любви; получается совсѣмъ другой, гораздо болѣе низкій нравственный тонусъ, другая нравственно-гражданская фізіономія общества, и о недавнихъ, быть можетъ, даже близкихъ къ осуществленію реформахъ нѣтъ больше рѣчи. Къ несчастью, тѣ, которые прибѣгаютъ къ кровопролитію, чтобы устранить, по ихъ мнѣнію, препятствіе съ пути прогресса, обыкновенно столь же мало освѣдомлены въ законахъ психологіи и нравственности, какъ и прочіе люди, почему ихъ преступленія и достигаются обыкновенно діаметрально противоположные результаты *).

*) Поэтому и современный европейскій анархизмъ, какъ апоэозъ матеріальной силы и насилія не только безуменъ создать что нибудь лучшее въ жизни, но сулитъ народу и обществу

Совершенно аналогическій процессъ разыгрывается въ нравственной жизни общества, когда въ эпоху относительнаго торжества въ гражданской области добрыхъ или такъ называемыхъ «либеральныхъ» началъ любви, равенства и т. д., оно вдругъ санкціонируетъ *войну* съ сосѣдомъ или отдаленной націей «для защиты своихъ интересовъ» или же изъ другихъ побужденій. Война является новымъ яркимъ примѣромъ на этотъ разъ уже *массоваго* убійства, условно допускаемаго человѣческой совѣстью. Много путей ведутъ къ вооруженной борьбѣ народовъ. Во-первыхъ, хищническіе аппетиты, другими словами — торжество эгоизма надъ чувствомъ собственности (или надъ нравственнымъ представленіемъ «не украдь»). Во-вторыхъ, національная ненависть. Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ, что это — ничто иное, какъ законное и цѣлесообразное чувство международнаго соревнованія, которое, однако, какъ и соревнованіе между личностями, при недостаткѣ любви къ ближнему и къ правдѣ, выражается въ стремленіи одержать верхъ надъ соперникомъ не путемъ собственнаго самоусовершенствованія, а черезъ насильственное ослабленіе послѣдняго.

Въ третьихъ, ненависть къ чужому народу особенно поддерживается и взаимнымъ ихъ непонима-

утрату и той доли политическихъ благъ, которой европейцы обязаны предшествовавшему культу идеализма. По своей крайней политической неопытности и философской неразвитости, рабочіе только протягиваютъ руку своимъ исконнымъ врагамъ — крайнимъ реакціонерамъ и „приверженцамъ старины“. По той же причинѣ и у насъ въ Россіи, роковое событіе 1-го марта 1881 года и цѣлый рядъ предшествовавшихъ убійствъ почти совсѣмъ истощили запасъ общественнаго идеализма 60-хъ годовъ и понизили на много градусовъ настроеніе общественной совѣсти, такъ что новое теченіе государственной жизни сдѣлалось почти неизбежнымъ.

ніемъ. Дѣло въ томъ, что, распространяя свои симпатіи или свою любовь къ ближнему главнымъ образомъ на «себѣ подобныхъ», мы въ то же время, вслѣдствіе ограниченности нашего умственного и нравственнаго кругозора, привыкаемъ считать критеріемъ подобія частью чисто-внѣшнее сходство (національные наружность, костюмъ, языкъ), частью же только второстепенныя и мелкія черты внутренней жизни (одинаковые вкусы или обычаи)*). Только опытъ въ сношеніяхъ съ другими націями открываетъ намъ глаза на ихъ внутренній міръ и, пораженные почти полнымъ сходствомъ этого міра съ нашимъ собственнымъ, мы готовы тогда воскликнуть: *plus ça change, plus c'est la même chose* **)!

Наконецъ, третій путь, ведущій къ непрерывнымъ войнамъ между народами, есть обаяніе людей передъ физической силой. Это—совершенно ложный инстинктъ, повидимому и унаслѣдованный нами отъ животныхъ, которымъ онъ, такъ сказать, вполне къ лицу, такъ какъ они знаютъ почти только физическую мощь. Совсѣмъ другое дѣло—человѣкъ; который побѣдилъ міръ не своими мускулами, а своимъ мозгомъ, не физической ловкостью, а нравственными качествами и силой ума. Можно безошибочно сказать, что самое выдающееся тѣлесное преимущество есть для насъ ничто въ сравненіи съ наиболѣе второстепеннымъ изъ нашихъ душевныхъ качествъ. Поэтому люди мыслящіе, умѣющіе руководить своими инстинктами, направляютъ свое обаяніе передъ силой,

*) Иллюстраціей взаимнаго отчужденія народовъ можетъ служить довольно распространенная въ низшихъ классахъ легенда о «парѣ», который націи иногда приписываютъ другъ другу, вмѣсто настоящей души.

***) Чѣмъ больше разницы (внѣшней), тѣмъ больше сходства (внутренняго).

какъ цѣлесообразное средство для ея поощренія и развитія, не на физическія, но на душевныя свойства человѣка, какъ его главную силу. Къ сожалѣнію, однако, народныя массы, да и интеллигентные люди, не умѣя мыслить и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ ощущеніяхъ, далеко еще не эмансипировались отъ возвеличенія тѣлесной силы, чему жизнь даетъ на каждомъ шагу многочисленныя примѣры *).

Этотъ культъ физической силы является страшнымъ подрывомъ для діаметрально противоположной ему системы упражненія нравственныхъ достоинствъ человѣка. Но онъ, кромѣ того, еще подготавливаетъ почву для войны и воинственности, которая, въ свою очередь, какъ грубое нарушеніе любви къ ближнему и извѣстной заповѣди (не убій), также подрываютъ лучшія чувства общества. Правда, нѣкоторая доля

*) Такъ, дикіе звѣри импонируютъ массѣ своей силой, а льву народное воображеніе, единственно на основаніи жестокости этого животнаго, приписываетъ даже благородство и, такъ сказать, душевное величіе («царь звѣрей»). Это значитъ, что даже на низшихъ ступеняхъ развитія сознаніе и мысль человѣка, когда на ихъ контроль поступаетъ, какъ продуктъ безсознательной психической дѣятельности, обаяніе передъ грубой физической силой, отказываются санкціонировать это чувство, какъ таковое, но относятъ его предположительно къ чисто-нравственнымъ качествамъ. Такого же происхожденія народная идеализація всѣхъ представителей грубой силы, дающая послѣднимъ прочную точку опоры въ жизни. Въ этой идеализаціи нерѣдко черпаютъ силу и тѣ, кто достигаетъ своей цѣли преступленіемъ и кровопролитіемъ. Такъ, Наполеонъ III, бывшій раньше смѣшнымъ, сразу выросъ въ глазахъ французовъ, когда онъ залилъ улицы Парижа кровью. Восточные деспоты жестокостью также внушаютъ къ себѣ не только страхъ, но и уваженіе или даже благоговѣніе.—Бокъ о бокъ съ поклоненіемъ физической силѣ обыкновенно идетъ и другой, родственнѣе и столь же пагубный инстинктъ: обаяніе передъ блестящей внѣшностью. Такимъ образомъ, у дикихъ народовъ достаточно какому нибудь вождю быть жестокимъ и окружать себя блестящей обстановкой, чтобы заслужить въ общественномъ мнѣніи ореолъ величія и внушить къ себѣ повиновеніе.

зла парализуется той самой иллюзіей, которая облегчаетъ его побѣду (согласно пункту 5 схемы) и которая здѣсь, какъ и въ приведенныхъ выше примѣрахъ частныхъ, немассовыхъ убійствъ, очень крѣпко сидитъ въ нашей головѣ. Каждый воинъ далекъ отъ мысли, что онъ виновенъ передъ своей совѣстью. Напротивъ, долгъ каждаго гражданина—защитить отечество своей грудью. Солдатъ долженъ повиноваться, а не разсуждать. Война освящена вѣками. Притомъ, это для каждаго борца только вынужденная самозащита, ибо если онъ не убьетъ, то его убьютъ и т. д. Всѣ эти сами по себѣ безусловно справедливыя мысли вертятся, навѣрно, въ головѣ каждаго, обладающаго нѣкоторой нравственной чуткостью война, особенно на первыхъ порахъ его дѣятельности, когда привычка не сдѣлала своего дѣла. Поэтому онъ въ значительной степени заглушаютъ внутренній голосъ: не убій, такъ что солдатъ, убивая ближняго, благодаря неотразимой иллюзіи мысли, дѣйствительно почти не насилуетъ своей совѣсти.

Однако, приспособленіе ко злу имѣетъ и здѣсь свои границы (пунктъ 5). Солдатъ невиновенъ въ убійствѣ, болѣе того—онъ мученикъ долга; но сама санкція убійства и насилія надъ другими людьми, какъ неизбѣжнаго якобы зла, не проходитъ даромъ для нравственнаго міровоззрѣнія какъ дерущихся, такъ и посылающаго ихъ въ бой общества. Поэтому война, какъ торжество физическаго начала надъ нравственнымъ, безспорно подкапывается подъ основы общества. Конечно, при повторныхъ войнахъ, когда общественно-нравственный барометръ уже разъ сталъ на низкой точкѣ, каждое дальнѣйшее его пониженіе не будетъ очень замѣтно, а иногда даже уступаетъ мѣсто обратному движенію, именно—если пораженіе, неудачи и народныя бѣдствія вызываютъ

реакцію противъ войны въ общественномъ самосознаніи; такое положеніе дѣла было у насъ послѣ Крымской кампаніи. Но когда, послѣ длительного мира, заложеныя въ человѣческой душѣ добрыя сѣмена успѣли уже дать здоровые ростки гражданскаго прогресса, когда въ эпоху «либерализма» общество, поддавшись соблазнамъ шовинистовъ, вдругъ сворачиваетъ на прежній путь зла, санкціонируя кровопролитіе и насиліе надъ другимъ народомъ, то внезапное оскудѣніе въ немъ любви и идеаловъ прямо бросается въ глаза. Наступаетъ критическій моментъ въ жизни народовъ. Нравственная мощь, скопленная въ предшествующую эпоху гражданской добродѣтели, гарантируетъ блестящія побѣды на полѣ брани, которыя, однако, по непривычкѣ людей къ размысленію и анализу, приписываются не старому, но новому, воинственному направленію. Послѣднее такимъ образомъ одерживаетъ верхъ, и если торжество это—окончательное, то апофеозъ грубой силы, вслѣдствіе единства нашихъ чувствъ и представлений, распространяется вскорѣ и на область гражданскихъ отношеній, возвышенные идеалы общества все больше тускнѣютъ и мало по малу общественный режимъ свободы вытѣсняется, если можно такъ выразиться, режимомъ кулака.

Такая метаморфоза, именно, произошла съ древнеримскѣй республикой, постепенно путемъ войнъ приблизившейся къ цезаризму; совершенно тотъ же оборотъ приняла первая французская революція съ того момента, какъ она вступила на путь внутреннихъ и внѣшнихъ кровопролитій *). Въ высшей сте-

*) Исторія свидѣтельствуетъ, что уже казнь Людовика XVI, какъ злое и несправедливое дѣло, стало поворотнымъ пунктомъ въ настроеніи французскаго общества, которое съ этого момента уже до извѣстной степени охладѣло къ лучшимъ завѣтамъ первой эпохи революціи.

пени также поучительно, что и недавно еще въ той же Франціи продолжительная проповѣдь кровавой мести по адресу нѣмцевъ сильно повредила республикѣ и едва не подарила французамъ новымъ цезаремъ, хотя и довольно низкопробнымъ (Буланже). Также очень знаменателенъ тотъ фактъ, что и въ либеральномъ настроеніи русскаго общества конца пятидесятихъ годовъ первый сигналъ къ отступленію былъ поданъ событіями, относящимися къ польскому мятежу.

Уже одна проповѣдь войны, обыкновенно идущая вмѣстѣ съ проповѣдью національной ненависти, наноситъ самый чувствительный ударъ идеалистическому міровоззрѣнію или нравственному уровню общества. Этимъ, благодаря своему чутью, и пользуются обыкновенно политическія партіи, враждебныя прогрессу, подъ которымъ они усердно роютъ могилу, особенно путемъ возбужденія международной ненависти.

Наконецъ, съ развиваемой нами точки зрѣнія, не можемъ не упомянуть еще объ одномъ общественномъ фактѣ, что массовыя убійства на войнѣ слишкомъ часто сопровождаются картиной общей страшной разнузданности человѣка, выражающейся грабежемъ, жестокостями и особенно половымъ безпутствомъ. Общеизвѣстно также, что нерѣдко солдаты въ военное время принимаются грабить и «своихъ». «Видъ крови опьяняетъ», говорятъ бывалые люди; другими словами, крушеніе одной могущественной преграды («не убій»), вслѣдствіе взаимной связи и солидарности, увлекаетъ съ собой на время и другіе наши нравственные устои, такъ что человѣкъ какъ бы ступшевывается, уступая мѣсто звѣрю.

IX. Умерщвление животныхъ.

Итакъ, война какъ массовое убійство людей, есть великое, давно признанное зло, подкапывающееся подъ самыя основы человѣческаго преуспѣянія. Она не только вноситъ въ жизнь матеріальное опустошеніе, принимающее подчасъ страшныя размѣры, но—что гораздо хуже—она опрокидываетъ всѣ наши нравственные устои, отравляетъ наши нравственныя представленія и чувства. Санкція убійства, въ силу законовъ психологіи, которые мы старались формулировать выше, какъ-то сразу подрѣзываетъ крылья нашему идеализму и отбрасываетъ насъ куда-то внизъ, въ подвалы души (если можно такъ выразиться), гдѣ уже нѣтъ больше мѣста ни для высокой любви къ ближнему, ни вообще для культа добродѣтели. Да оно и понятно. Если нельзя безнаказанно нарушать ни одного требованія нравственности, то тѣмъ болѣе не можетъ проходить для насъ даромъ насиліе надъ тѣмъ чувствомъ, которое на вѣчныя времена запечатлѣно для человѣка въ заповѣди «не убій». Правда, воинъ смотритъ на свою жертву сквозь призму патриотизма, чувства долга, священныхъ интересовъ отечества и т. д. Однако всѣ эти сами по себѣ очень почтенные мотивы не могутъ совершенно заглушить голосъ совѣсти, не могутъ заставить ее примириться съ такимъ чудовищнымъ явленіемъ международной жизни, какъ война.

Другими словами, здѣсь подтверждается тоже правило, какъ и при вышерассмотрѣнныхъ условныхъ убійствахъ и условномъ нарушеніи другихъ требованій нравственности; какъ ни сильна *иллюзія мысли*, она все таки не способна вполне нейтрализовать или упразднить соотвѣтственное нравственное

представленіе и предупредить неизбежное съ его нарушеніемъ паденіе *всего* нравственнаго уровня общества. Иллюзія достигаетъ только того, что мы проводимъ рѣзкую грань между гнуснымъ убійцей и исполняющимъ свой долгъ воиномъ; но пролитіе человѣческой крови не можетъ быть ничѣмъ искуплено и, пока эта санкція убійства существуетъ, какъ самое краснорѣчивое торжество зла и насилія, оно будетъ всегда непреодолимою помѣхой для нравственнаго прогресса человѣчества.

Тутъ невольно у каждаго мыслящаго человѣка рождается вопросъ: ну, а убійство животныхъ неужели не имѣетъ для насъ никакихъ нравственныхъ послѣдствій? Не существуетъ ли между умерщвленіемъ человѣка и уничтоженіемъ какого нибудь невиннаго или даже полезнаго намъ животнаго только количественная, а не качественная разница? Развѣ неизмѣримая жестокость кровопролитія и лишенія жизни, когда дѣло касается животныхъ, совсѣмъ не доходитъ до нашего сознанія, не тревожитъ нашу совѣсть и не вызываетъ вовсе ея протеста? Развѣ животные намъ не близки, развѣ въ ихъ глазахъ мы не читаемъ отраженія собственной души, развѣ мы ихъ не любимъ, не понимаемъ и не жалѣемъ, развѣ картина убиваемаго животнаго не волнуетъ каждаго непривычнаго человѣка (т. е. не будитъ въ немъ задерживающаго представленія: не убій), развѣ видъ крови намъ не страшенъ, развѣ зарѣзать курицу или другое животное для нашего стола часто не превышаетъ наши нравственные силы, вслѣдствіе протеста совѣсти, такъ что это дѣло поручается обыкновенно менѣе чуткимъ натурамъ? Сколько людей, побывавъ разъ на бойнѣ, отказываются послѣ этого надолго или даже на всю жизнь отъ мясной пищи! И развѣ каждый изъ насъ не чувствуетъ, что достаточно

размышленія на эту тему и нѣкотораго самоуглубленія, чтобы нарушить его душевное спокойствіе, прорвать какую-то условность или *иллюзію*, гарантирующую ему это усыпленіе совѣсти?

А если это такъ, то, значить, массовое умерщвленіе невинныхъ животныхъ также подрываетъ нашу нравственность, какъ и истребленіе людей, называемое войной. Значить, и тутъ кроется какая-то иллюзія, которая заслоняетъ отъ насъ сущность дѣла, которая хотя и держится гораздо крѣпче, чѣмъ въ послѣднемъ случаѣ (насколько животныя намъ болѣе чужды, чѣмъ наши братья-люди), но все же временами «трещитъ по швамъ», разсѣвается, и тогда наша освобожденная отъ оковъ совѣсть громко возвышаетъ свой голосъ, требуя удовлетворенія. Значить, и тутъ, какъ при условномъ прелюбодѣяннн и тѣхъ условныхъ убійствахъ, цѣлнй рядъ которыхъ, заканчивающійся войной, мы разобрали въ предъидущей главѣ, заблужденіе мысли или аргументація односторонняго ума тщетно старается въ примѣненіи къ животнымъ вполнѣ нейтрализовать одно изъ первостепенныхъ проявленій нашего нравственнаго чувства. И тутъ, какъ и тамъ, это не удастся и не можетъ удался вполнѣ; а, слѣдовательно, согласно установленной выше формулѣ нравственнаго закона (пункты 4 и 5), систематическое лишеніе жизни животныхъ равносильно системѣ непрерывнаго насилія надъ однимъ изъ важнѣйшихъ нравственно-задерживающихъ центровъ или тормазовъ души, а это насиліе, какъ и всякое другое «отрицательное упражненіе» ихъ, производитъ общее расслабленіе этихъ центровъ или функцій, иначе говоря—пониженіе всей нашей нравственности. Дѣйствительно, вникая въ это дѣло психологически, нельзя не почувствовать, что провоз-

глашеніе убійства животныхъ вполне законнымъ явленіемъ жизни, какъ и санкція войны, есть ничто иное, какъ признаніе зла и насилія или измѣна нѣшимъ лучшимъ идеаламъ, упадокъ любви и вѣры въ добро.

Эффектъ убійства еще усугубляется эффектомъ побданія тѣла, которое, послѣ исчезанія иллюзіи, въ свою очередь, выступаетъ передъ нашимъ сознаніемъ во всей своей отвратительной наготѣ.

Убійство животныхъ есть новое „мнимое“ исключеніе изъ приведеннаго выше нравственнаго закона и, какъ цѣлый рядъ и другихъ, уже разобранныхъ нами исключеній, оно не опровергаетъ правила, а только еще больше его подтверждаетъ.

Х. Самообманъ и его разоблаченіе.

Слѣдуя методу, которымъ мы уже пользовались въ предшествующихъ аналогичныхъ случаяхъ, мы должны здѣсь задаться двумя вопросами: во-первыхъ, что въ самомъ началѣ натолкнуло человѣка на употребленіе въ пищу мяса животныхъ, а во-вторыхъ—какія заблужденія, какая аргументація ума или иллюзія мысли содѣйствовала побѣдѣ зла и, согласно нашей теоріи, до извѣстной степени смягчаетъ до сихъ поръ тяжкія послѣдствія этой побѣды?

Эти заблужденія мысли—ничто иное, какъ тѣ аргументы, которые и въ настоящее время люди приводятъ противъ безубойнаго питанія и которые мы перечислили почти всѣ въ началѣ этой брошюры. Поэтому отвѣтъ на поставленные нами вопросы будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и критикой возраженій, обычно дѣлаемыхъ противъ вегетаріанства.

Что касается перваго вопроса, то прежде всего необходимо отнять почву у тѣхъ, которые любятъ ссылаться на первоначально-плотоядную будто на-туру человѣка. Поэтому поставимъ себѣ слѣдующій вопросъ:

1. *Правда-ли, что человекъ есть существо плотоядное?*

Еслибъ это была правда, то вегетарианство по справедливости слѣдовало бы отнести къ утопіямъ. По счастью, однако, ничто не подтверждаетъ такого мнѣнія. Причиной заблужденія является главнымъ образомъ *простое* устройство нашего желудка, дѣйстви-тельно не похожаго на состоящій изъ нѣсколь-кихъ отдѣленій желудокъ травоядныхъ. Во первыхъ, и желудокъ плотоядныхъ, не имѣющій этихъ отдѣ-леній, какъ въ анатомическомъ, такъ и въ физиологи-ческомъ отношеніи довольно существенно отличается отъ человѣческаго; а главное—послѣдній есть почти точная копія съ желудка обезьяны, которая съ пло-тоядными животными не имѣетъ ничего общаго.

Рѣшающее значеніе для опредѣленія природной пищи животнаго принадлежитъ безспорно зубамъ. Плотоядныя животныя скорѣе рѣжутъ, терзаютъ свою пищу, чѣмъ жуютъ ее; поэтому они обладаютъ ост-рыми и рѣдкими зубами, напоминающими какъ бы гвозди, при большомъ числѣ рѣзцовъ, далѣе—значи-тельнымъ объемомъ полости рта (пасть), огромнымъ мѣшкообразнымъ желудкомъ и короткимъ кишечни-комъ (такъ какъ мясо переваривается главнымъ об-разомъ въ первомъ изъ этихъ двухъ отдѣловъ пище-выхъ путей), затѣмъ очень сложнаго устройства пе-

ченью, сильно развитою скуловой дугой черепа (для прикрѣпленія крѣпкихъ челюстныхъ мышцъ) и т. д. Такія же черты преобладаютъ и у всеядныхъ животныхъ, какъ, напримѣръ, у медвѣдя, между тѣмъ какъ травоядныя характеризуются почти противоположными особенностями.

Разновидность послѣдней категоріи животныхъ представляютъ *плодоядныя* (т. е. питающіяся плодами, сѣменами и злаками), которыя имѣютъ для насъ наибольшій интересъ. Къ этой группѣ и принадлежать всѣ разновидности обезьяны, изъ которыхъ обитающія въ Старомъ Свѣтѣ и, между ними на первомъ мѣстѣ, оранг-утангъ какъ по числу и устройству зубовъ, желудочно-кишечнаго канала, такъ и по анатоміи черепа, мозга и почти всѣхъ другихъ органовъ поразительно схожъ съ человѣкомъ *) *Больше убѣдительное доказательство естественной плодоядности, а не плотоядности человека едва ли еще требуется **).*

*) Напримѣръ, у обезьянъ Старога Свѣта столько же рѣзцовъ, клыковъ и коренныхъ зубовъ и они такой же формы, какъ у человѣка, только клыки у первыхъ длиннѣе, а „зубы мудрости“ появляются раньше, чѣмъ у насъ. Языкъ устроенъ совсѣмъ какъ человѣческой. Тоже относится къ мозгу и его извилинамъ (важнѣйшій и убѣдительнѣйшій пунктъ сходства). Длина кишекъ, которыя у плотоядныхъ вообще мало работаютъ, превосходить у нихъ длину тѣла только въ 3—6 разъ, у жвачныхъ же отношеніе первой къ послѣдней колеблется между 12 и 27; наконецъ у обезьяны и человѣка кишечникъ длиннѣе тѣла въ 7—10 разъ (такъ какъ перевариваніе плодовъ и сѣмянъ больше разсчитано на участіе и упражненіе кишекъ, чѣмъ усвоеніе мяса, и меньше—чѣмъ ассимиляція травы) и т. д.

**) Таково мнѣніе всѣхъ авторитетовъ науки и знатоковъ этого вопроса. Такъ, по мнѣнію профессора Оуэна, человѣкообразныя и четверорукія питаются исключительно плодами, зёрнами и вообще питательными или сочными продуктами растительнаго царства, такъ что, въ виду близкаго анатомическаго родства этихъ животныхъ съ человѣкомъ, и послѣдняго необходимо считать плодояднымъ. Того же мнѣнія придерживаются покрывшіе себя ученой славой Кювье, Линней, Флурансъ и другіе.

Съ такимъ взглядомъ вполне гармонируетъ и своеобразно-условное отношеніе человѣка къ мясной пищѣ. Такъ, напримѣръ, дѣти, эти безхитростные выразители нашихъ естественныхъ чувствъ, первоначально почти поголовно отказываются отъ мяса (если ихъ не приучаютъ къ нему еще въ періодѣ безсознательности), а впоследствии искренно возмущаются кровавыми подробностями креофагіи (мясоѣденія), которыя взрослые нерѣдко отъ нихъ долгое время скрываютъ. Мы питаемъ отвращеніе къ сырому мясу и нерѣдко также къ крови, прибѣгая къ длительной и сложной процедурѣ варки и жаренія, придающей мясу совсѣмъ другой видъ и вкусъ, и т. д. Едва ли еще нужно доказывать, что естественная плотоядность человѣка сдѣлала бы всѣ эти манипуляціи совершенно излишними, какъ онѣ ненужны и бесполезны, напримѣръ, для собаки или волка.

Впрочемъ, и чисто-умозрительнымъ путемъ не трудно понять всю нелѣпость такого предположенія. Кровожадные звѣри обречены самой жалкой участи. Во-первыхъ, живую пищу гораздо труднѣе раздобыть, чѣмъ растительную, вслѣдствіе чего удовлетвореніе голода не обезпечено за ними во всякое время; а во-вторыхъ, кровожадность закрываетъ для этихъ существъ свѣтлое царство любви съ его новыми и неизсякаемыми источниками индивидуальнаго и общаго благоденствія породы. Другими словами, жесткая и кровавая пища равносильна безграничному господству физическихъ инстинктовъ, не умѣряемыхъ любовью и воздержаніемъ, т. е. постоянному упражненію извѣстныхъ низшихъ мозговыхъ центровъ насчетъ высшихъ или задерживающихъ. Слѣдовательно, на этой ступени развитія нельзя ожидать ни большой нѣжности животнаго къ

дѣтенышамъ, доходящей, какъ, на примѣръ у обезьянъ, до самопожертвованія, ни тѣмъ болѣе готовности поддержать въ бѣдѣ себя подобнаго и помогать другъ другу, вообще ничего такого, что такъ важно для каждой особи, какъ и для торжества всей породы. Только съ дальнѣйшей эволюціей животнаго царства, вызванной желѣзнымъ закономъ борьбы за существованіе, открылась новая, необъятная перспектива усовершенствованія четвероногихъ путемъ развитія мозговыхъ полушарій и покрывающей ихъ сѣти извилинъ, вслѣдствіе чего появились на міровой сценѣ и новыя, небывалыя прежде орудія борьбы: любовь и самоограниченіе. Вотъ какая эволюція, какъ мы это уже развивали въ другомъ мѣстѣ, привела къ появленію на землѣ человѣка и вотъ почему жестокій и кровожадный способъ питанія, какъ естественный спутникъ низшаго душевнаго состоянія, не могъ ни въ какомъ случаѣ удержаться ни у высшихъ животныхъ, ни у человѣка.

Поэтому давнишній взглядъ многихъ мыслителей и поэтовъ, что человѣкъ при первомъ своемъ появленіи на землѣ не зналъ другой пищи, кромѣ съѣдобныхъ плодовъ и сѣмянъ, и что первыя его попытки умерщвлять животныхъ для удовлетворенія своихъ нуждъ были уже симптомомъ нравственнаго паденія, — имѣетъ подъ собою твердую научную почву.

Спрашивается, что же вызвало это паденіе или другими словами:

2. Что побудило человѣка впервые посягнуть на жизнь животныхъ, для удовлетворенія своихъ потребностей?

Прежде всего мы должны отдать справедливость нашей породѣ, признавъ, что первымъ соблазномъ и

школой убійства для насъ послужила та вынужденная вооруженная борьба съ дикими звѣрями, которую судьба навязала человѣку въ первобытную эпоху его существованія. Безспорно, что и эта борьба ожесточила человѣка и несправедливо выдвинула впередъ въ его сознаниі значеніе физической силы. Конечно, не дѣлѣ наибольшими своими успѣхами эта борьба была обязана не элементарнымъ физическимъ приѣмамъ отважныхъ «храбрцовъ», возведенныхъ на пьедесталь народнымъ воображеніемъ, которое мало рассуждаетъ,—а чисто мирнымъ завоеваніямъ ума и нравственнаго чувства. (Такъ, на примѣръ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что главной и самой существенной угрозой звѣриному царству являлся простой фактъ размноженія человѣчества, шагъ за шагомъ отнимавшій у звѣрей ихъ физическую почву—землю). Но если даже современная образованная толпа сплошь и рядомъ подмѣниваетъ правильное мышленіе скороспѣлыми выводами чувства или такъ называемыми «впечатлѣніями» (которыя суть ничто иное, какъ безсознательный, а потому крайне несовершенный и ненадежный процессъ мысли), то тѣмъ болѣе нельзя было ожидать большаго отъ первобытныхъ народныхъ массъ. И вотъ обаяніе передъ физической силой (передъ львомъ, разными Ахиллами и т. д.), какъ ложный и крайне вредный для человѣка инстинктъ, получаетъ какъ бы самое реальное подтвержденіе. Инстинктъ торжествуетъ надъ тормозящимъ его представленіемъ о правѣ и справедливости и поэтому дѣлаетъ все новыя и новыя завоеванія въ жизни. Мало по малу, при неизбѣжномъ пониженіи общей нравственности (согласно пункту 4 нашей схемы), вырабатывается дикое и нелѣпое представленіе о «правѣ силы», которое еще усугубляетъ совершившееся паденіе. На этой почвѣ, какъ мы уже

видѣли, возникла впервые война; на ней же выросъ и недостойный человѣка обычай умерщвлять и поѣдать невинныхъ и даже благодѣтельствующихъ насъ животныхъ. Но эта побѣда инстинкта произошла не безъ нравственной борьбы.

Мы уже знаемъ, что наши нравственныя представленія никогда не поддаются *полному* условному упраздненію (т. е. въ примѣненіи къ тому или другому отдѣльному случаю). Параллельно съ отчужденіемъ отъ животныхъ въ насъ живетъ и настоящее чувство родства съ ними, а потому наша любовь и наше представленіе «не убій» распространяются и на нихъ. Такимъ образомъ, аппетиты первобытнаго человѣка (нужда, голодъ, алчность) безспорно должны были натолкнуться въ его душѣ на извѣстное нравственное препятствіе. Что же помогло устранить послѣднее?—Это была та сила, которая всегда облегчаетъ въ душѣ человѣка торжество зла, становясь на его сторону, когда оно начинаетъ брать перевѣсъ. Это были—такъ называемыя соблазны ума, о которыхъ мы столько распространились въ своемъ мѣстѣ, или доводы легендарнаго змія-искусителя. Эти доводы раздаются въ нашихъ ушахъ еще и понынѣ, какъ главные и всѣмъ извѣстныя возраженія противъ вегетаріанства, изъ которыхъ нѣкоторыя уже нами опровергнуты. Такъ, желая провѣрить все то, что намъ нашептываетъ этотъ голосъ зла и только-что покончивъ съ однимъ изъ капитальныхъ его утвержденій (будто человѣкъ по природѣ плотояденъ), перейдемъ къ другому изъ его положеній и спросимъ себя;

3. Правда-ли, что животныя намъ совсѣмъ чужды, намъ отданы и что умерщвленіе ихъ не должно нисколько ложиться на нашу совѣсть?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже данъ нами во вступительной части настоящей брошюры, а въ немногихъ словахъ повторенъ и въ началѣ этой главы. Мнѣніе, что животныя существуютъ для нашего удовольствія и даже цѣной своей жизни и своего тѣла должны угождать нашимъ вкусамъ, до того произвольно и такъ ясно отзывается человѣческимъ самообольщеніемъ, что едва ли нуждается еще въ опроверженіи.

Какъ смѣль подумать ты, безумецъ и гордецъ,
 Что о тебѣ одномъ заботился Творецъ
 И предназначилъ все тебѣ для наслажденья—
 Для пищи, для удобствъ, нарядовъ, развлеченья? *)

Животныя безспорно во многомъ отличаются отъ человѣка, такъ какъ высокія начала нашей души, наши личныя и соціальныя добродѣтели встрѣчаются у нихъ только въ весьма ограниченномъ объемѣ или даже только въ зачаточной формѣ. Поэтому привычка смотрѣть на животное, почти какъ на принадлежащую намъ вещь, которой мы можемъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, есть грубое и очень вредное заблужденіе, которое частью укоренилось въ нашемъ умѣ помимо нашего сознанія, частью же искусственно нами поддерживается путемъ самовнушенія, дабы облегчить себѣ совѣсть. Насколько это заблужденіе искренно и безсознательно, въ про-

*) Пошъ, англійскій поэтъ прошлаго столѣтія.

исхожденіи его особенно повинны два обстоятельство.

Во-первыхъ, нѣкоторая ограниченность нашего сознанія, когда горизонтъ его не расширяется знаніемъ и опытомъ. При такихъ условіяхъ обыкновенно только внѣшнее сходство будить въ насъ представленіе и о внутреннемъ подобіи, такъ что, напримѣръ, встрѣчаясь съ человѣкомъ, который совсѣмъ по другому одѣтъ, какъ мы, да еще говоритъ на непонятномъ намъ языкѣ, мы получаемъ отчасти впечатлѣніе какъ бы чуждаго намъ существа; только позже, вступивъ съ нимъ въ тѣсныя, особенно семейныя отношенія, мы убѣждаемся всегда въ полнѣйшемъ сходствѣ его психологіи съ нашей. Какъ мы уже говорили, это чувство составляетъ краеугольный камень существующей между народами розни и иногда достигаетъ такой степени, что они отрицаютъ другъ у друга настоящую человѣческую душу, предполагая, вмѣсто ея, только нѣчто къ ней приближающееся—что-то вродѣ «пара». Послѣ этого, нужно ли удивляться, что въ отношеніи животныхъ, которыя своимъ внѣшнимъ видомъ такъ сильно отступаютъ отъ человѣка, это заблужденіе идетъ еще дальше, еще глубже и привело къ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ?

Второе обстоятельство, удаляющее человѣка отъ животныхъ, есть сознательная философія, которой онъ съ полнымъ правомъ слѣдуетъ споконъ вѣка. Наши нравственныя, какъ и физическія свойства требуютъ постояннаго упражненія для того, чтобы они крѣпли и развивались; въ противномъ же случаѣ, они атрофируются и понемногу сводятся на нѣтъ. Это тотъ основной законъ психологіи, который, какъ читатель могъ замѣтить, проходитъ красной нитью черезъ всѣ наши разсужденія, потому что

онъ даетъ главную точку опоры какъ вегетарианству, такъ и многимъ другимъ вопросамъ нравственности. Такъ какъ наши нравственные представленія и чувства составляютъ самое цѣнное достояніе человѣка и главный источникъ его силы и могущества, то упражненіе ихъ всегда казалось народамъ самой существенной ихъ задачей, для разрѣшенія которой служатъ какъ придуманные чисто теоретическіе приемы (религія), такъ еще болѣе практика жизни. Въ послѣднемъ смыслѣ большую важность имѣютъ повседневныя впечатлѣнія, получаемыя нами столько же отъ своихъ собственныхъ поступковъ, словъ или мелькающихъ въ головѣ образовъ, сколько и отъ поступковъ или словъ окружающихъ. Поэтому, чтобы удержаться на нѣкоторой нравственной высотѣ, намъ необходимо постоянно избѣгать или подавлять въ себѣ всякія представленія или образы противоположнаго характера.

Такъ, злыя слова и злыя чувства, проклятія, выраженія ненависти и всякаго рода дурныя поступки будутъ для нашихъ высшихъ психическихъ центровъ тѣмъ «отрицательнымъ упражненіемъ» (т. е. упражненіемъ противоположныхъ имъ центровъ), которое такъ часто фигурируетъ въ нашемъ предъидущемъ изложеніи, какъ основная причина нравственнаго оскудѣнія или притупленія. Вотъ почему, между прочимъ, человѣкъ «стыдится» своихъ физическихъ отправления, стараясь ограничить собственные неизбѣжныя впечатлѣнія отъ нихъ возможнымъ минимумомъ, а другихъ людей совсѣмъ отъ нихъ избавлять. Поэтому «приличіе» или «этика жизни» совершенно основательно требуетъ отъ насъ, чтобы мы половыя и извѣстныя растительныя отправления нашего тѣла скрывали не только отъ другихъ, но

такъ сказать, насколько это возможно—и отъ себя самихъ *).

Съ этой точки зрѣнія воспринимаемыхъ нами впечатлѣній, важность для каждаго человѣка хорошихъ товарищей и хорошихъ примѣровъ не нуждается въ поясненіяхъ. Естественно также, что менѣе всего этому требованію удовлетворяютъ животныя съ преобладающими у нихъ физическими инстинктами, отсутствіемъ общей и (обстоятельство огромной важности) половой этики и т. д. Нужно ли еще доказывать, что тѣсное общеніе съ животными для человѣка «нездорово», что это для него будетъ обильнымъ источникомъ совершенно нежелательныхъ впечатлѣній низшаго разряда, непрерывнымъ зрѣлищемъ полового безстыдства и т. д.? Вотъ почему животныя намъ—не товарищи; вотъ почему, поднявшись высоко надъ ними, мы должны теперь неизбежно отдаляться отъ нихъ, ограничивая область взаимныхъ отношеній только предѣлами необходимости **).

*) Какъ ни просто это научное фізіо-психологическое объясненіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ положеній этики, отвѣчающихъ естественному чувству каждаго человѣка, оно повидимому еще чуждо въ настоящее время міровоззрѣнію многихъ образованныхъ людей. Такія явленія, какъ щегольство въ мужскомъ обществѣ грязными анекдотами или (особенно въ военной средѣ) пошлыми словами, ненужное обнаженіе дамами своего тѣла, чрезмѣрныя нападки нѣкоторыхъ врачей на стыдливость ихъ паціентовъ и т. п.—ясно подтверждаютъ нашу мысль.

**) Какъ далеко заходитъ безсознательное отношеніе людей, даже нѣкоторыхъ выдающихся умовъ, къ вопросамъ жизни, между прочимъ видно изъ слѣдующаго прискорбнаго и крайне поучительнаго примѣра. Знаменитый Шопенгауеръ, защищая интересы живогныхъ и вегетаріанства, негодуетъ по поводу того, что человѣкъ во всемъ отдѣляетъ себя отъ четвероногихъ, что нельзя, на примѣръ, похоронить собаку рядомъ съ ея господиномъ и т. д., обвиняя за это «іудейство», т. е. предполагаемую имъ іудейскую примѣсь къ ученію христіанской Церкви. Оче-

Но держаться на разстояніи отъ животныхъ во имя высшихъ человѣческихъ началъ отнюдь не значить причинять имъ зло и несправедливость, не значить убивать ихъ и поѣдать. Напротивъ, эти же начала должны служить лучшимъ щитомъ и наибольше прочной гарантіей и для подчиненныхъ намъ тварей, которыя уже одной своей беспомощностью и неоспоримымъ правомъ на жизнь взываютъ къ нашему милосердію и состраданію. На этихъ же началахъ, наконецъ зиждется и вегетарианство, ограждающее отъ нашихъ аппетитовъ самую жизнь и тѣло животныхъ.

4. Основательно-ли мнѣніе, что какъ въ природѣ одни животныя поѣдаютъ другихъ, то и человеку это не можетъ быть поставлено въ вину?

Этотъ аргументъ, придуманный умомъ для облегченія нашей совѣсти и имѣющій немалый вѣсъ въ глазахъ не мыслящаго большинства, на дѣлѣ однако, какъ уже помнитъ читатель, не выдерживаетъ даже легкаго прикосновенія критики, особенно вооруженной добытыми нами выше данными. Центръ тяжести вопроса лежитъ именно въ томъ, что далеко не всѣ животныя поѣдаютъ другъ друга; напротивъ, рядомъ съ низшей кровавой окраской борьбы за существованіе выдвинулось въ историческомъ процессѣ эволюціи животныхъ новое, свѣтлое теченіе, опирающееся не на жестокость, а на любовь и увѣнчавшееся появленіемъ на землѣ человѣка. Поэтому пло-

видно, что великій философъ въ этомъ вопросѣ не стоялъ на почвѣ реального фізіо-психологическаго анализа и вообще мало въ него вдумывался.

тоядность есть для послѣдняго громаднѣй шагъ назадъ, который ставить его ниже обезьяны, слона и другихъ высшихъ животныхъ *). Эта идея получила уже должное освѣщеніе въ предъидущемъ нашемъ изложеніи **).

5. *Правда-ли, что, пока убиваютъ и мучаютъ столько невинныхъ людей, преждевременно хлопотать о пощадѣ животныхъ?*

На первый взглядъ для человѣка, незнакомаго съ нашей психологіей и съ закономъ нравственности, этотъ доводъ почти неотразимъ. Дѣйствительно, призывъ въ пользу животныхъ въ то время, какъ люди безжалостно истребляютъ другъ друга массами или утопаютъ въ роскоши насчетъ пота и крови своихъ братьевъ, можетъ показаться даже лицемѣріемъ. Но если читатель когда-либо размышлялъ надъ психологіей человѣка и усвоилъ въ существенныхъ чертахъ то, что говорилось нами раньше, то онъ вполне гарантированъ отъ такого заблужденія, уже опро-

*) Впрочемъ, еслибъ даже человѣкъ былъ единственнымъ представителемъ гуманнаго направленія, то и тогда ссылка на природу не имѣла бы никакой убѣдительности и была бы основана на нѣкоторомъ недоразумѣніи, въ которое нерѣдко впадаетъ наша мысль. Чтобы человѣкъ ни творилъ, добро или зло, это никогда не можетъ противорѣчить природѣ, ибо онъ самъ есть такое же слѣпое ея орудіе, какъ и любое животное, любое дерево или любой атомъ. Природа покрываетъ своимъ авторитетомъ рѣшительно всякое, совершающееся въ ея предѣлахъ явленіе, въ томъ числѣ и все, что ни задумаетъ или совершитъ человѣкъ. Поэтому критеріемъ въ человѣческихъ дѣлахъ могутъ служить *только* наши идеалы, наши нравственные или умственные представленія, а не тѣ или иные объективные факты изъ природы.

**) Въ философіи Шопенгауера она выражена положеніемъ, что прогрессъ есть состраданіе.

вергнутого нами въ другомъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что *нравственность не допускаетъ исключеній*, такъ какъ всякое изъятіе является, согласно развитому нами выше закону, «отрицательнымъ упражненіемъ» для самой нравственности, или, другими словами, исключеніе здѣсь всегда расшатываетъ правило. Такимъ безостановочно дѣйствующимъ исключеніемъ изъ закона любви является, между прочимъ, и система безчеловѣчнаго отношенія къ животнымъ, которая, поддерживая въ нашемъ нравственномъ міровоззрѣніи торжество силы надъ правдой и любовью, подготавливаетъ тѣмъ почву и для войны, жестокой эксплуатаціи народнаго труда, деспотизма и вообще для всѣхъ явленій, опирающихся главнымъ образомъ на матеріальную силу.

Итакъ, *лозунгъ любви и правды не можетъ и не долженъ миновать никого, не исключая и животныхъ, дабы не сдѣлаться вовсе недѣйствительнымъ*. Жизнь даетъ намъ на каждомъ шагу подтвержденіе этой истины, которую мы выше иллюстрировали многими примѣрами. Тотъ, кто дѣйствительно преисполненъ добрыхъ чувствъ, большею частью готовъ излить ихъ на всѣхъ окружающихъ и даже на всякую невинную тварь; повинуюсь какому-то внутреннему чутью (говоря точнѣе, развиваемому нами психологическому закону нравственности), онъ часто упорно противится всякому исключенію изъ общаго правила. Напротивъ, люди, у которыхъ добрыя слова только на языкѣ, прикрывая внутренній эгоизмъ, обыкновенно очень усердно проповѣдуютъ ограниченіе района дѣйствія любви и правды только «своими», т. е. членами своего кружка, сословія или народа, нерѣдко даже стремясь сообщить мѣшающимъ ихъ дѣламъ альтруистическимъ чувствамъ совершенно обратное назначеніе. Такимъ именно путемъ имъ и

удаётся обыкновенно *подъ флагомъ любви* провести въ жизнь узко-сословную или узко-національную политику, на знамени которой написаны ненависть и несправедливость къ другимъ сословіямъ или народамъ и которая, вслѣдствіе этого, неукоснительно готовить *общій* упадокъ въ людяхъ любви и нравственности.

Успѣхъ этой политики и основанъ главнымъ образомъ на томъ, что законъ нравственности, какъ недопускающій никакихъ исключеній, остается до сихъ поръ чуждымъ мировоззрѣнію какъ народной массы, такъ и образованныхъ людей (преданныхъ преимущественно матеріалистическому знанію и такъ называемымъ искусствамъ), а божественная заповѣдь безграничной любви, это краснорѣчивое выраженіе того же закона, покоится въ сознаніи людей на шаткомъ фундаментѣ *вѣры*, но не твердаго научнаго *убѣжденія*.

Нѣкоторая условная безнаказанность нарушенія общихъ основъ любви и нравственности достигается только цѣной тѣхъ или другихъ искреннихъ заблужденій мысли или цѣной самовнушенія; но эта условность имѣетъ свои границы, иллюзія никогда не бываетъ полная и нерѣдко даже совсѣмъ разсѣвается, такъ что общая нравственность всетаки терпитъ чувствительный ущербъ. Къ такимъ иллюзіямъ принадлежитъ и убѣжденіе большинства людей въ позволительности умерщвленія животныхъ и креофагіи (мясояденія), почему этотъ обычай, какъ и принципъ войны, является въ сущности вѣчной угрозой нравственному прогрессу человѣчества. Слѣдовательно, желая добра людямъ и чтобы самому удержаться на высотѣ этого настроенія, нельзя выдѣлять изъ всей совокупности существующаго въ жизни зла ни одного явленія, но необходимо одновременно

вносить совѣтъ и разумъ во *всѣ* сферы человѣческой дѣятельности, не исключая и нашихъ отношеній къ животнымъ, или, по крайней мѣрѣ, мы должны мысленно руководствоваться этимъ благотворнымъ началомъ, какъ путеводной звѣздой.

6. Дѣйствительно-ли за мясояденіе говоритъ вѣковое прошлое этого обычая?

Факты, существующіе издавна и признаваемые огромнымъ большинствомъ людей, дѣйствуютъ обыкновенно на убѣжденія толпы почти неотразимо. Не умѣя правильно мыслить и, въ силу мозговой инерціи, инстинктивно уклоняясь отъ этого процесса, люди охотно отождествляютъ такой фактъ съ логикой и справедливостью, постепенно подавляя въ себѣ протестъ совѣсти. Такъ, на примѣръ, древнимъ народамъ, безпрекословно признававшимъ рабство, всякій намекъ на незаконность этого учрежденія казался утопией или нелѣпостью. Въ наше время въ такомъ же положеніи находится, между прочимъ, вопросъ о войнѣ и вегетарианствѣ. Нѣтъ ничего легче, чѣмъ не воевать народамъ между собой, не грабить другъ друга и не жаждасть взаимной гибели. Но вѣковое прошлое и повсемѣстное существованіе этой жестокой аномаліи придаетъ ей такой авторитетъ въ глазахъ толпы, что послѣдняя вѣритъ въ ея неизбѣжность и, призывы честныхъ и мыслящихъ людей остаются «гласомъ вопіющаго въ пустынь». Ту же участь раздѣляютъ и многія другія отрицательныя явленія жизни, имѣющія за собой огромную давность.

Укорененію ихъ прежде всего помогаетъ извѣстное производимое ими ослабленіе добрыхъ чувствъ въ обществѣ или, другими словами, паденіе общественнаго идеализма и общественной совѣсти, не находящей въ себѣ больше силы для протеста противъ зла и даже создающей подъ нимъ почву въ общественномъ міровозрѣніи. Получается тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго не легко найти выходъ и о которомъ мы говорили уже выше. Затѣмъ положеніе вещей еще болѣе закрѣпляется привычкой и, наконецъ, почерпаетъ почти непреодолимую силу въ «санкціи вѣковъ». Послѣдній аргументъ имѣетъ свои корни въ психологіи массъ, которыя, во имя своей непоколебимой вѣры въ добрыя начала жизни, отказываются допустить, чтобы вѣковой обычай или явленіе, издавна пользующееся полнымъ правомъ гражданства въ обществѣ, противорѣчило этимъ началамъ.

Но не въ такомъ свѣтѣ рисуются человѣческія дѣла умственному взору мыслителя. Анализъ явленій жизни приводитъ къ убѣжденію, что народы и даже образованные люди, вслѣдствіе отсутствія до сихъ поръ настоящей науки о человѣкѣ, пока только *угадывали* неизмѣримое реальное значеніе любви и правды, но еще далеки отъ вполне *сознательнаго пониманія* нравственнаго закона человѣческихъ отношеній и всѣхъ послѣдствій его нарушенія; поэтому зло и торжествуетъ на многихъ поприщахъ жизни. Вся арена этой жизни какъ бы изрѣзана дорогами, тропинками и колеями, по которымъ, подъ названіемъ обычаевъ, традицій или законовъ, она безъ устали мчится впередъ или совершаетъ свой циклъ, не справляясь вовсе о томъ, проложены ли эти дороги разумомъ и любовью или же, напротивъ, глупостью и насиліемъ. Между началами добра и

зла происходит еще борьба, въ которой то побѣждаетъ одно, то другое. Время отъ времени кое гдѣ занимается заря любви, свободы и «добрыхъ нравовъ», чтобы черезъ нѣкоторый промежутокъ снова уступить свое мѣсто царившему прежде мраку.

Тамъ и сямъ слышны голоса въ пользу мира и негодующіе вопли противъ войны; но, при первомъ же естественномъ или искусственно подготовленномъ обостреніи международныхъ отношеній, все это забывается, и снова люди посылаются на закланіе, снова поговариваютъ о томъ, что война «очищаетъ атмосферу», «освобождаетъ воздухъ отъ электричества» и т. п. Законы человѣческой совѣсти еще не были почти предметомъ изслѣдованія, привычка брать свое, дорожка для зла проложена и рѣдко кто задается мыслью, какими послѣдствіями признаніе зла и насилія въ международной области отражается на внутреннихъ гражданскихъ отношеніяхъ и т. д.

Приблизительно такъ же поставленъ у насъ и вопросъ о мясояденіи, съ той лишь оговоркой, что здѣсь сила обычая, дѣйствующая не урывками, какъ въ случаѣ войны, но безостановочно, владѣетъ умами еще болѣе неограниченно, да и нравственная истина здѣсь гораздо глубже скрыта подъ спудомъ нашихъ отношеній къ животнымъ, чѣмъ въ дѣлѣ войны. Практическіе люди, отождествляющіе фактъ съ мудростью и встрѣчающіе обыкновенно насмѣшкой всякій намекъ на мирный, некровопролитный способъ разрѣшенія международныхъ споровъ, смотрятъ и на вегетарианство, какъ на курьезъ или утопію; но это не мѣшало мыслителямъ всѣхъ временъ, наперекоръ общему обычаю, писать на своемъ знамени, рядомъ съ другими требованіями добра, и вегетарианскую истину.

Классическимъ родоначальникомъ вегетаріанскаго направленія считается Пифагоръ (570 — 470 до Р. Х.), почему вегетаріанцы издавна называются также пифагорейцами. Этотъ величайшій изъ древнихъ философовъ и математиковъ, переселившись изъ Греціи на югъ Италіи, основалъ здѣсь свое знаменитое философское сообщество, первую въ Европѣ коммуну, члены которой, между прочимъ, строго держались безубойнаго питанія. Послѣ Пифагора не было почти ни одного мыслителя, который бы не призывалъ людей къ человѣчности по отношенію къ животнымъ и, прежде всего, къ разумному, некровопролитному питанію. Мы можемъ здѣсь назвать имена Платона, Плутарха, Порфирія, многихъ отцовъ церкви, Мильтона, Попа, Руссо, Ламатрина, Линнея, Галлера, Ньютона, Шелли, Шопенгауера, Струве и др. На нашемъ отечественномъ горизонтѣ также еще вчера сіяли двѣ крупнѣйшія вегетаріанскія звѣзды: только-что скончавшійся Владиміръ Соловьевъ и еще, къ счастью, здравствующій великій Левъ Толстой.

Итакъ, какъ ни укоренилось мясояденіе, однако протесты противъ него почти никогда не прекращались, и, когда пробьетъ часъ освобожденія отъ многихъ другихъ золь, и оно, въ свою очередь, неминуемо сойдетъ со сцены.

7. *Правда ли, что и религія освящаетъ мясояденіе?*

Это былъ бы самый тяжелый ударъ для вегетаріанства, еслибъ и его не трудно было отразить. Прежде всего, изъ распространенныхъ въ мірѣ вѣрученій, буддизмъ считаетъ убійство животнаго и поѣданіе его тѣла преступленіемъ. Преданіе приписываетъ Саккіа Муни или Буддѣ самую энергичную проповѣдь гуманности по отношенію къ животнымъ и строжайшее запрещеніе креофагіи. Что же касается

нашихъ Новаго и Ветхаго Завѣта, то, дѣйствительно, здѣсь нигдѣ нельзя вычитать какого нибудь положительнаго запрета на этотъ счетъ; однако идеаль невинной, безкровной пищи не только заключается уже въ проповѣди любви, озаряющей своимъ свѣтомъ все ученіе о единомъ Богѣ, но тамъ и сямъ находятъ себѣ и вполне реальное выраженіе. Поэтому ссылки на Священное Писаніе, въ оправданіе мяснаго питанія, уже въ первые вѣка христіанства встрѣчали сильный отпоръ со стороны такихъ отцовъ церкви, какъ Тертуліанъ, Климентъ Александрійскій, Іоаннъ Златоустъ и другіе. Второй изъ нихъ доказывалъ, что апостолы Петръ и Маттеей держались вегетарианства, такъ же какъ и св. Яковъ, о которомъ св. Августинъ свидѣтельствуетъ, что «Яковъ, братъ Господень, питался зернами и овощами, никогда не вкушалъ мяса или вина»^{*)}. Съ неменьшею энергіей выступалъ противъ даннаго заблужденія и Златоустъ, проповѣдывавшій противъ кроваваго питанія въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, образчикъ которыхъ приведенъ нами на первой страницѣ этого сочиненія.

Особенно поучительно отношеніе къ данному вопросу Ветхаго Завѣта и вообще Моисеева законодательства. «И сказалъ Богъ: вотъ я далъ вамъ всякую траву, сѣящую сѣмя, какая есть на всей землѣ, и всякое дерево, у котораго плодъ древесный, сѣющій сѣмя—вамъ сіе будетъ въ пищу» (1 кн. Моисея, I, 29). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что Богъ разгнѣвался на свой народъ за то, что онъ, наскучивъ растительной пищей, потребовалъ мяса. Однако и здѣсь мы не находимъ прямого воспрещенія кровавой пищи, для котораго народная масса съ ея предразсудками и невѣжествомъ была въ то время очень

^{*)} «Этика пищи» Хауарда Уильямса, Москва, 1893, стр. 72.

мало подготовлена. И здѣсь лишь намѣченъ общій идеаль любви и милосердія не только по отношенію къ людямъ, но и къ животнымъ (протестъ ослицы языческаго пророка противъ жестокаго съ ней обращенія); остальное же предоставлено доброму чувству каждаго, согласно изреченію апостола: *могий вмѣстити да вмѣстити*.

Но за то, мирясь съ мясояденіемъ, какъ съ трудно предотвратимымъ зломъ, сдѣланы были дальнѣйшіе законодательные шаги, съ цѣлью смягчить зло и парализовать растлѣвающее дѣйствіе убійства на душу и совѣсть народа. Такъ, установленъ безболѣзненный способъ убоя (посредствомъ вскрытія большихъ кровеносныхъ сосудовъ шеи); операцію эту производить можетъ не всякій (что считается большимъ грѣхомъ), но лишь одинъ или нѣсколько человекъ во всемъ городѣ (дабы дѣйствіе убійства на совѣсть не распространялось на весь народъ); сама процедура сопровождается молитвой (ради одухотворенія жестокаго по своей сущности дѣла); строжайше возбраняется употребленіе въ пищу самой крови, которая, быть можетъ—благодаря своему движенію, представлялась да и теперь еще представляется воображенію народовъ, какъ вмѣстилище души, и т. д. Очевидно, что законодатель *стоялъ на той же самой точкѣ зрѣнія, которую и мы здѣсь приводимъ*, предполагая, что система умерщвленія животныхъ угрожаетъ народной нравственности, и желая, насколько возможно, предохранить ее отъ этого вреда.

8. *Представляетъ ли мясная пища какія нибудь незамѣнимыя для насъ достоинства?*

Многіе утверждаютъ, что безъ мяса трудно обойтись человеку и что оно сообщаетъ особенную энергію какъ нашимъ физическимъ отправленіямъ, такъ

умственной жизни. Однако это мнѣніе столь же произвольно, какъ и другіе приводимые аргументы, и разлетается въ прахъ отъ перваго же дуновенія критики. Прежде всего трудно подыскать для него какое нибудь серьезное основаніе въ началахъ діететики.— Пища наша состоитъ главнымъ образомъ изъ бѣлковъ, жировъ, углеводовъ, солей и воды. Бѣлки, какъ очень сложныя и вступающія легко въ химическія соединенія азотистыя тѣла, подъ разными названіями составляютъ основу нашихъ тканей и, расходуясь на связанныя съ жизнью клѣточки надобности, требуютъ возмѣщенія бѣлками пищи, которые мы и находимъ въ изобиліи какъ въ животныхъ (мясо, яйца, молоко, сыръ). такъ и во многихъ растительныхъ продуктахъ (горохъ, бобы, чечевица, грибы, капуста и др.). Однако на производство тепла, въ которомъ организмъ такъ нуждается, и на механическую работу мышцъ бѣлки почти совсѣмъ не идутъ, такъ какъ этого рода энергію они по своему химическому составу развиваютъ въ относительно маломъ масштабѣ. Поэтому въ пищѣ человѣка должны находиться на лицо также жиры (сало, коровье и разныя растительныя масла) и углеводы (крахмаль, сахаръ).

Эти «безазотистыя», т. е. не содержащія азота вещества очень богаты углеродомъ и водородомъ, между тѣмъ какъ кислородъ фигурируетъ въ порядочномъ количествѣ только въ углеводахъ и лишь въ малыхъ размѣрахъ—въ жирахъ. Въ углеводахъ онъ, кромѣ того, связанъ съ окисляемымъ имъ водородомъ (въ пропорціи, необходимой для образованія воды, отсюда и названіе углевода), такъ что матеріаль для дальнѣйшаго окисленія и развитія въ тѣлѣ тепла представляетъ только углеродъ; напротивъ, жиры въ организмѣ сгораютъ какъ своимъ углеродомъ, такъ и большею частью своего водорода и поэтому служатъ богатѣйшимъ

источникомъ тепловой, а также и механической энергiи (тепла и физической работы). За то углеводы, въ свою очередь, имѣютъ на своей сторонѣ то преимущество передъ жирами, что они очень легко и усваиваются (въ пищевыхъ путяхъ) и также очень легко сгораютъ въ крови; поэтому мы въ ихъ лицѣ, т. е. въ видѣ мучнистой или крахмалистой и сладкой пищи (хлѣбъ, картофель, рисъ, овсянка, разныя каши, сахаръ, фрукты), располагаемъ все таки прекраснымъ горючимъ и рабочимъ матеріаломъ, который сберегаетъ собою и жиры и бѣлки нашего тѣла. Такимъ образомъ углеводы и жиры могутъ замѣнять другъ друга, но неспособны заступать мѣсто бѣлковъ, необходимыхъ для пополненія нѣкоторыхъ специальныхъ тратъ нашихъ клѣтокъ; напротивъ, бѣлки, кромѣ послѣдняго назначенія, въ случаѣ надобности, т. е. при недостаткѣ въ тѣлѣ углеводовъ и жировъ, идутъ отчасти также и на образованіе тепловой и механической энергiи. Однако для организма невыгодно пользоваться для сейчасъ упомянутой потребности бѣлками или также одними углеводами либо жирами, такъ какъ это потребовало бы слишкомъ большаго объема того или другаго рода пищи; а наши пищеварительные пути приспособлены какъ разъ къ умѣренному количеству и ко всѣмъ тремъ химическимъ категориямъ пищевого матеріала. Слѣдовательно, наилучшія условія питанія даны намъ въ *смѣшанной* пищѣ. *)

*) Изъ этого слѣдуетъ, что вводитъ въ желудокъ слишкомъ много бѣлковой пищи, особенно мяса, въ ущербъ хлѣбу, кашѣ, коровьему маслу и т. д., есть заблужденіе. Этой ошибкой особенно грѣшатъ у насъ нѣкоторые интеллигентныя матери, хотя, правда, дѣти для построения своего тѣла дѣйствительно предъявляютъ нѣсколько большій спросъ на бѣлокъ, чѣмъ взрослые. Другое исключеніе представляютъ жители крайняго сѣвера, которые инстинктивно ищутъ защиты отъ окружающаго холода въ большихъ

Количество этой ежедневной пищи было исчислено Фойтоля и другими учеными, на основании наблюдений надъ людьми, среднимъ числомъ и приблизительно въ 120 граммовъ или 30 золотниковъ бѣлка, 50 грам. или 12 золот. жира, 500 (125) углеводовъ и 20 (5) солей. Это то, что большею частью съѣдаетъ взрослый человѣкъ при умѣренной работѣ, пользуясь пищевыми веществами всѣхъ трехъ категорій. О составѣ этихъ веществъ животного или растительнаго

количествахъ съѣдаемаго ими жира (какъ наиболѣе теплообразовательнаго пищевого вещества). Злоупотребленіе бѣлковой пищей находится въ связи съ философійю нашего вѣка. Ошеломленная успѣхами матеріалистическаго знанія, которые, какъ и политическій прогрессъ, въ дѣйствительности, распѣли на почвѣ предшествовавшаго общественнаго *идеализма* (любви къ человѣку, къ правдѣ и къ научной истинѣ или къ научному изслѣдованію), масса поддалась своему обычному нелѣпному обаянію передъ физической силой и матеріей, увидѣла въ названныхъ успѣхахъ торжество этой силы и, проникшись матеріалистическимъ направлениемъ, внесла его и въ науку, и въ жизнь.

Такимъ образомъ философія любви и воздержанія, плодъ вѣковыхъ усилій человѣческаго ума, отошла какъ бы на второй планъ, слушавалась, уступивъ мѣсто нашему исконному врагу—физическимъ инстинктамъ. восторжествовавшимъ подъ новымъ «научнымъ» флагомъ. Напримѣръ, въ обществѣ распространилось явно-преувеличенное представленіе о вредѣ и тяжкихъ послѣдствіяхъ полового воздержанія (хотя настоящій анализъ явленій жизни и даже жизни животныхъ съ очевидностью свидѣтельствуетъ о противномъ). Такимъ же образомъ стали явно преувеличивать и значеніе тѣла для духа, начали ссылаться на извѣстную римско-языческую поговорку, что «въ здоровомъ тѣлѣ здоровый умъ» (хотя на дѣлѣ физическое здоровье есть развѣ только одно изъ благоприятныхъ условій для ума, которое однако въ жизни, вслѣдствіе преобладанія другихъ, болѣе важныхъ причинъ, чаще бываетъ свойственно глупымъ людямъ, чѣмъ умнымъ), и т. д. Такимъ путемъ во многихъ умахъ укоренилось также представленіе и о томъ, что введеніемъ обильной и хорошей, т. е. бѣлковой пищи мы пропорціально служимъ какъ интересамъ тѣла, такъ и духа, обмѣнивая, такъ сказать, химическую энергію пищи на физиологическую—тѣла и мозга. Къ сожалѣнію, это жалкое заблужденіе полусознательной мысли (ибо на самомъ дѣлѣ намъ полезна только умѣренная и не слишкомъ питательная пища), какъ это всегда бываетъ, не миновало и людей науки, т. е. врачей.

происхожденія даютъ понятіе слѣдующія цифры въ процентахъ:

Нежирная говядина: воды 76; бѣлка 20; жира 2. Жирная: 53; 16; 29.

Яйцо: воды 73; бѣлковъ 12, жира 12; одинъ желтокъ: 51; 16; 31 (богатъ жиромъ а также желѣзомъ).

Коровье молоко: воды 87; бѣлка 3,5; жира 3,7; молочнаго сахара 5.

Сыры богаче бѣлками всякой другой пивци, а жирные сорта ихъ поражаютъ и обиліемъ жировъ. Напримѣръ, въ голландскомъ сырѣ, рокфорѣ и др. первые составляютъ около 25%, а послѣдніе—около 30%.

Коровье масло состоитъ главнымъ образомъ изъ жировъ (гораздо лучше усваиваемыхъ, чѣмъ мясной жиръ).

Ржаной хлѣбъ: воды 42, бѣлка 6, жира 0,4, сахара 2, крахмала и декстрина 46.

Пшеничный хлѣбъ: 35; 7; 0,4; 4; 52.

Ржаная мука: воды 13; бѣлка 11; жира 2; углеводовъ 70.

Овсяная мука: 9; 13; 10; 67. (богата жиромъ).

Горохъ: воды 14; бѣлковъ 23; жировъ 2; сахара 52. Бобы и чечевица имѣютъ почти такой же составъ.

Капуста бѣлая: воды 90; бѣлковъ 2; жировъ 0,2; сахара 2.

Яблоки: воды 84; бѣлка 0,3; сахара 7; крахмала 4. Груши и другіе фрукты даютъ сходныя цифры.

Миндаль: воды 6; бѣлка 23; кислотъ 53; сахара и крахмала 7.

Вотъ изъ какого богатаго пищевого матеріала человѣкъ заимствуетъ нужное ему для питанія. Каждый внимательный читатель можетъ изъ приведенныхъ

цифръ легко вынести убѣжденіе, что мясо, какъ преимущественно бѣлковое, а отчасти и жирное вещество можетъ легко быть замѣнено сыромъ, яйцами, молокомъ, горохомъ или бобами и т. д. Нѣкоторое вегетаріанцы, правда, отвергають также молоко и яйца и—въ чемъ мы увѣрены—вынуждены только довольствоваться менѣе разнообразнымъ столомъ, но безъ ущерба для своего здоровья. Однако такой ригоризмъ не только вредитъ дѣлу вегетаріанства, превращая рациональную нравственно-гигіеническую доктрину въ доступный немногимъ подвигъ аскетизма, но и не имѣетъ подъ собою настоящей почвы. Въ особенности странно ополчаться противъ молока, которое специально предназначено для питанія и къ которому насъ приучаетъ еще материнская грудь. А молоко обнимаетъ собою также масло и сыръ. Что же касается до яицъ, то, правда, связанное съ ними представленіе о готовомъ *materialъ* для живого существа нѣсколько задѣваетъ нашу психологическую чуткость; однако наше нравственное чувство и, въ частности, наше состраданіе не подвергаются при этомъ ни малѣйшему испытанію. Нашему сознанію яйцо отнюдь не представляется существомъ живымъ; да и объективныя данныя говорятъ противъ этого, такъ какъ жизненная энергія, одна изъ переходящихъ другъ въ друга разновидностей силы, отчасти вкладывается въ яйцо *извне*, въ видѣ другой силы, именно тепла.

Яйца и молочные продукты еще болѣе обогащаютъ нашъ столъ, чѣмъ мясо и рыба, и имѣють за собою то колоссальное преимущество, что не образуютъ въ крови тѣхъ возбуждающихъ и ядовитыхъ веществъ, которыми угрожаетъ намъ всякая убойна. Изъ чисто растительныхъ продуктовъ богаты бѣлками бобовыя растенія (горохъ, бобы, чечевица),

миндаль и не слишкомъ обижены ими злаки и грибы *). Правда, мясо переваривается почти цѣликомъ, между тѣмъ какъ растительные бѣлки, благодаря своей связи съ неподдающеюся пищеварительнымъ сокамъ человѣка растительной клѣтчаткой, нѣкоторую свою часть пропадають для организма; но, уже помимо пополненія отлично усвояемыми молочными продуктами, это обстоятельство не имѣетъ никакой практической важности. При этомъ слѣдуетъ помнить, что основное правило всякой растительной кухни есть продолжительная варка, какъ лучшее средство для нарушенія цѣлости клѣтчатки, окружающей въ каждой клѣткѣ питательныя части растенія.

Относительная бѣдность растеній жиромъ легко замѣщается молокомъ, масломъ, сыромъ, а также нѣкоторыми растительными сѣменами или маслами.

Желѣзо, которымъ относительно изобилуетъ мясо, находится въ еще большей пропорціи въ яичномъ желткѣ, а также имѣется на лицо въ зеленыхъ овощахъ, особенно же въ шпинатѣ.

Наконецъ, фосфорнокислыя соли мяса, имѣющія, повидимому, нѣкоторое отношеніе къ функціи нервной системы, доставляютъ намъ тѣ же овощи.

Но, быть можетъ, растительные, молочные и яичные бѣлки въ химическомъ или качественномъ отношеніяхъ уступаютъ тѣмъ же веществамъ животнаго происхожденія? На это фізіологическая химія даетъ безусловно отрицательный отвѣтъ. Зато мясо имѣетъ

*) Различные сорта муки тѣмъ богаче бѣлкомъ, чѣмъ они грубѣе, т. е. чѣмъ больше содержатъ наружныхъ частей зерна, которыя—по преимуществу бѣлковой природы. Напротивъ, бѣлая, болѣе очищенная мука (пшеничная, ржаная и т. д.) содержитъ больше крахмала и меньше бѣлка, но за то лучше переваривается.

другія особенности, притомъ весьма сомнительнаго достоинства. Оно именно дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на сердце и нервную систему *) и такимъ путемъ, между прочимъ, вызываетъ *ощущеніе* прилива силъ, которое и служитъ источникомъ нашей преувеличенной оцѣнки питательности мяса и его важности для организма; едва ли нужно еще доказывать, что это ощущеніе не имѣетъ ничего общаго съ настоящимъ подъемомъ питанія, который есть дѣло времени и можетъ зависѣть только отъ реальныхъ условій обмѣна веществъ. Мясо также скорѣе иной пищи даетъ у нѣкоторыхъ людей чувство насыщенія, которое также всецѣло коренится въ его дѣйствиіи на нервы желудка или же на мозгъ. Однако эти своеобразныя преимущества мясной діеты достаются намъ дорогой цѣной.

Оказывается, что возбуждающее начало мяса лежитъ не въ его бѣлкахъ, а въ такъ называемыхъ экстрактивныхъ веществахъ, извлекаемыхъ изъ него водой и содержащихся, между прочимъ, и въ бульонѣ, который и обязанъ имъ своимъ мнимо-укрѣпляющимъ, т. е. бодрящимъ дѣйствиемъ на организмъ **). Въ новѣйшее время найдено, что они образуются, какъ и мочевины, изъ особыхъ химическихъ тѣлъ—нуклеиновъ, входящихъ въ составъ ядра мышечныхъ клѣтокъ. Раздражающее дѣйствіе этихъ веществъ на всѣ ткани и органы тѣла, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе, принимаетъ нерѣдко своимъ систематическимъ повтореніемъ угрожающіе размѣры и есть теперь вполне установленный фактъ. Это дѣйствіе мяса еще особенно усугубляется такъ называемыми птоминами или токсинами, т. е.

*) А потому, можетъ быть, и на половое чувство.

**) Бульонъ не содержитъ почти бѣлковъ, осаждающихся при кипяченіи и обыкновенно удаляемыхъ подъ названіемъ напара.

ядовитыми веществами, которыя образуются изъ него еще въ пищевыхъ путяхъ, а затѣмъ и въ крови. На это самоотравленіе организма обращено теперь особенное вниманіе врачей, какъ на источникъ многихъ его заболѣваній, и мясу здѣсь принадлежитъ важная роль, такъ какъ молоко, яйца и растительные бѣлки почти неповинны въ этомъ отношеніи; особенно же безвредно для насъ молоко.

Наибольшей опасности отъ мясной пищи подвергаются печень и почки, такъ какъ въ этихъ органахъ пищевые яды концентрируются, въ первомъ изъ нихъ—какъ въ барьерѣ, черезъ который проходитъ вся кровь изъ пищевыхъ путей, вмѣстѣ съ воспринятыми ею здѣсь элементами пищи, а въ послѣднемъ—какъ въ выдѣлительномъ аппаратѣ, черезъ который организмъ освобождается отъ всякихъ ненужныхъ и вредныхъ продуктовъ. Поэтому, тѣсная связь между заболѣваніями этихъ органовъ и мясной діетой не возбуждаетъ ничьихъ сомнѣній.

Нѣкоторыя болѣзни обмѣна веществъ, особенно подагра, подагричность и нерѣдко маскирующій ее хроническій суставной ревматизмъ также безспорно имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ задержку въ тѣлѣ вредныхъ продуктовъ мясной пищи.

Что раздражающая пища, хотя бы это свойство принадлежало ей въ слабой степени, дѣйствуя непрерывно, безспорно вредить и стѣнкамъ кровеносныхъ сосудовъ, въ которыхъ она циркулируетъ вмѣстѣ съ кровью, и можетъ подать поводъ къ ихъ перерожденію, съ обычнымъ отложеніемъ въ нихъ известковыхъ солей (склерозъ),—это тоже едва ли еще нужно подробно развѣивать.

Столь же невыгодно подобная пища должна отражаться и на сердцѣ, которое къ тому же страдаетъ отъ пораженія сосудовъ; такимъ образомъ, тѣ перерожденія

сердечной мышцы съ приступами «грудной жабы» и внезапной кончиной отъ паралича или, какъ говорятъ въ публикѣ, отъ «разрыва» сердца, которыя составляютъ теперь почти заурядное явленіе въ средѣ состоятельныхъ, хорошо питающихся людей, есть полное основаніе приписать мясной діетѣ и такъ называемой «внутренней подагрѣ» старыхъ врачей.

Далѣе, отъ перерожденія и пропитыванія известью артеріальныхъ стѣнокъ зависитъ утрата ими естественной упругости и неспособность противустоять случайному приливу и напору крови въ мозгъ: онѣ тогда разрываются, кровь разливается по мозгу, и это называется ударомъ или параличемъ.—Затѣмъ и многія болѣзни нервной системы врачи также приписываютъ до извѣстной степени вліянію мясной пищи.

Впрочемъ, большинство современныхъ врачей, повинуюсь покорно тенденціи питательности, которой мы отвели выше наше подстрочное примѣчаніе, ополчаются противъ мяса главнымъ образомъ только при извѣстныхъ заболѣваніяхъ, когда оно уже сдѣлало свое дѣло, и остается только поправить причиненный имъ вредъ. Поэтому при страданіяхъ почекъ, печени, сердца и нѣкоторыхъ другихъ недугахъ выступаетъ на сцену благодѣтельное молочное лѣченіе, такъ какъ молоко менѣе всего служитъ источникомъ ядовитыхъ веществъ и самоотравленія. Тоже повторяется и при заразныхъ болѣзняхъ, и безъ того угрожающихъ переполненіемъ крови ядами, благодаря дѣятельности микроорганизмовъ. Вотъ что, на примѣръ, говоритъ по поводу болѣзней печени такой блестящій практикъ и клиницистъ, какъ знаменитый французскій профессоръ Дюжарденъ-Бомецъ:

«Во всѣхъ заразныхъ болѣзняхъ, во всѣхъ бо-

лѣзняхъ, сопровождающихся гнилостными процессами въ кишечникѣ, при всѣхъ разстройствахъ кишечнаго канала и желудка, которыя влекутъ за собой ненормальное броженіе пищевой кашицы, при болѣзняхъ печени, этой живой преграды, препятствующей внѣдренію пищевыхъ токсиновъ въ кровь, необходима растительная пища».

Поэтому неудивительно что бѣдный классъ, въ особенности же деревенскій людъ, состоящій въ большинствѣ случаевъ на вегетаріанской пищѣ (вслѣдствіе недоступности для него мяса), почти совсѣмъ не знаетъ многочисленныхъ болѣзней, достигающихся на долю любителей хорошаго стола. Бичемъ бѣдныхъ людей являются преимущественно заразные, простудныя заболѣванія и вообще недуги, связанные съ бѣдностью и антисанитарными условіями жизни, но не страданія печени, почекъ, сердца, подагра и т. п. Что же касается пищи этихъ людей, то всякій безпристрастный наблюдатель, хотя бы, на примѣръ, въ нашей русской деревнѣ, можетъ подтвердить, что уже одинъ доброкачественный ржаной хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ (около 2 фунтовъ въ день) обезпечиваетъ нашему крестьянину вожделѣнное здравье и порядочную работоспособность. Если же къ хлѣбу присоединить еще молоко, яйца, масло, растительный супъ, фрукты и т. д., то получится роскошный вегетаріанскій столъ, удовлетворяющій даже изысканному вкусу. Но и тѣ милліоны людей, которые свой хлѣбъ приправляютъ только квасомъ или лукомъ, отличаются завиднымъ здоровьемъ и выносятъ на своихъ плечахъ все тяжкое бремя физическаго труда, потребнаго для обработки полей, возведенія домовъ, добыванія сокровищъ земли и т. д.

Совершенно произвольно также мнѣніе, что ум-

ственная и душевная дѣятельность предъявляютъ къ нашему пищевому режиму какія то особенныя требованія, которымъ больше якобы удовлетворяетъ мясо, чѣмъ другія питательныя вещества. Рѣшительно все, что извѣстно о вегетарианствѣ изъ среды выдающихся умомъ людей, говоритъ противъ такого предположенія. Пифагоръ и его ученики, духовныя лица и отцы церкви, монахи ордена траппистовъ и другихъ орденовъ, Ньютонъ, нашъ Левъ Толстой и многіе другіе извѣстные послѣдователи безубойного питанія соединяли или соединяютъ цвѣтущее здоровье съ большимъ запасомъ умственной и духовной энергіи.

Да и можно ли ожидать другого, когда знаешь, что человѣкъ, подобно обезьянѣ, устроенъ физически вовсе не для мяса, и, въ виду закона цѣлесообразности, слѣдуетъ ли удивляться тому, что плоть животныхъ, какъ бы въ отместку за убійство, вноситъ въ нашу кровь отраву и гибель? *).

*) Изъ всѣхъ возможныхъ возраженій противъ вегетарианства остаются еще ссылка на научное живосѣченіе и затѣмъ на экономическій переворотъ, которымъ грозитъ переходъ на новый пищевой режимъ массы людей. Но, въ виду растянувшася объема этого сочиненія, мы должны ограничиться здѣсь только нѣсколькими замѣчаніями. Научные опыты на живыхъ существахъ безспорно ожесточаютъ занимающихся ими людей и окружающихъ лицъ, такъ какъ иллюзія или самовнушеніе мысли («для науки», «во имя человѣчества и для облегченія его страданій»), при всей своей убѣдительности, все таки безсилна упразднить цѣликомъ нашу любовь и состраданіе ко всему живущему или наше нравственное представленіе: не убій. И хотя эта деморализація встрѣчаетъ сильный отпоръ въ идеальномъ и возвышенномъ характерѣ научныхъ занятій, а главное—не выходитъ изъ четырехъ стѣнъ нѣсколькихъ лабораторій и не затрагиваетъ арены народной жизни, тѣмъ не менѣе живосѣченіе въ настоящее время сильно озабочиваетъ всѣхъ философовъ и моралистовъ, въ нѣкоторыхъ странахъ уже дало толчекъ законодательству въ смыслѣ его ограниченія (Англія) и въ будущемъ, безспорно, либо будетъ вовсе отмѣнено, либо поставлено въ самыя тѣсныя рамки.— Что же касается до экономическаго переворота, то на этотъ счетъ

XI. Заключение.

Вегетарианцы и философы до сихъ поръ взывали только къ чувству состраданія людей, восхваляли безкровное питаніе и указывали на вредъ мяса. Но эти аргументы не затрагиваютъ вовсе главной сущности вопроса. Центръ тяжести его лежитъ въ законахъ нашей психологіи и нравственности, которые люди пока только угадываютъ отчасти *чутьемъ*, но не *сознаютъ* вполне ясно и отчетливо.

Въ силу этихъ законовъ, систематическое умерщвление животныхъ и его санкція *роковымъ образомъ* вносятъ развратъ и разложеніе въ нашу душу, расшатываютъ человѣческую нравственность, или, пользуясь нашей терминологіей, составляютъ неизсякаемый и грозный источникъ ежедневнаго «отрицательнаго упражненія» тѣхъ высшихъ психическихъ центровъ и ихъ функцій, которыя, какъ могущественное орудіе въ борьбѣ за существованіе въ смыслѣ дарвинизма, нуждаются (подобно физическимъ преимуществамъ животныхъ и даже еще больше ихъ) не въ отрицательномъ, но въ постоянномъ *положительномъ* упражненіи.

Уже одно представленіе о естественности и законности умерщвленія живаго существа и поведенія его тѣла отбрасываетъ насъ въ преисподнюю грубо животнаго міровоззрѣнія, производитъ, вслѣдствіе тѣсной

можно быть вполне спокойнымъ. *Естественный* ходъ дѣла, не ускоримый насиліемъ надъ убѣжденіями и совѣстью людей, служить здѣсь, какъ и всегда, наилучшей гарантіей, что, какъ бы дѣятельно вегетарианцы ни проводили въ жизнь свои идеи, послѣднія будутъ дѣлать свои завоеванія лишь *постепенно*, не вызывая ни малѣйшей пертурбаціи. Мало по малу домашнія наши животные будутъ убывать въ числѣ, такъ какъ до сихъ поръ мы ихъ искусственно *разводили*, между прочимъ, для потребностей кухни; кожа, салныя свѣчи и другіе предметы, добываемые изъ труповъ животныхъ, избрѣтательная промышленность будетъ постепенно замѣнять продуктами человѣческаго искусства, и т. д.

связи между разновидностями нравственного чувства, сильное пониженіе нашего идеализма или вѣры въ добро, и, какъ торжество силы надъ началомъ любви, неминучемо и помимо нашего сознанія подготавливаетъ наши мысли или наше нравственное настроеніе къ признанію всякаго существующаго въ жизни насилія и всякой неправды, а въ особенности къ признанію компетенціи меча въ дѣлѣ рѣшенія международныхъ споровъ.

Тѣ, которымъ такія мысли кажутся преувеличенными, находятся подъ неотразимымъ вліяніемъ иллюзіи, которая въ вопросѣ объ нашихъ отношеніяхъ къ животнымъ еще сильнѣе ослѣпляетъ насъ, еще больше закрываетъ намъ глаза на дѣйствительность, чѣмъ заблужденіе и самообманъ въ другихъ важныхъ вопросахъ нравственности. По счастью, эта иллюзія въ силу закона приспособленія у большинства людей низводитъ развращающее дѣйствіе мясояденія до *возможнаго* минимума; но, какъ мы уже знаемъ, она не въ силахъ вовсе его парализовать и предохранить насъ отъ тѣхъ *общихъ* и роковыхъ послѣдствій, о которыхъ мы сейчасъ говорили.

Поэтому мы съ глубокимъ убѣжденіемъ высказываемъ слѣдующее положеніе: *пока люди для своего удовольствія или для своихъ потребностей убиваютъ животныхъ, до тѣхъ поръ они будутъ убивать и другъ друга.*

Мы также отъ всей души присоединяемся къ слѣдующимъ глубоко-пророческимъ и проникновеннымъ словамъ выдающагося нѣмецкаго гуманиста (Струве): «пока они (люди) не перестанутъ безъ малѣйшихъ угрызений совѣсти поддерживать свою жизнь на счетъ жизни другихъ существъ, съ нихъ не спадутъ забрызганныя кровью цѣпи, заставляющія ихъ влачить низменное существованіе».

1. 9312

Оглавленіе.

	СТР.
I. Вступленіе.	3
II. Возраженія «разумныхъ» людей противъ вегетаріанства	7
III. Душа человѣка и животныхъ	8
IV. Физическіе и нравственные инстинкты животныхъ.	14
V. Физическіе и нравственные инстинкты человѣка	17
VI. Законы нравственности.	22
VII. Примѣры, поясняющіе законъ нравственности и мнимыя исключенія изъ него.	45
VIII. «Не убій».	63
IX. Умерщвленіе животныхъ	79
X. Самообманъ и его разоблаченіе.	82
XI. Заключеніе	114

